

Л.С. Снегирёв

**Анатомия
самобытности**

Л.С. Снегирёв

**Анатомия
самобытности**

Философские записки

**Нелидово
2017**

Вступление

В далёких шестидесятих годах я показывал Диме Плавинскому¹ картон к картине «Играющие дети». Дима отметил, что картина слишком личная и мне свойственен трагизм в искусстве.

Мой жизненный путь перенасыщен потрясениями и картины создавались часто на основе пережитых событий.

Живопись не может передать полноту жизненных впечатлений, переживаний и я иногда погружаюсь в несвойственную мне литературную стихию.

В литературных опытах я ещё более подвержен сомнениям, чем в изобразительном искусстве. Я даже не уверен, что надо осуществить эту маленькую книжечку.

Избирая тот или иной жизненный путь, художник уже определяет свою судьбу. Я избрал путь художника – одиночки, сложной порой трагической, и, тем не менее, я не хотел бы другой судьбы.

В своей непростой жизни я допустил немало непростительных ошибок и теперь пишу эти строки, расценивая их как исповедь, как покаяние, стараюсь остаться независимым и объективным.

Жизнь художника не ограничивается его собственной реальной жизнью, невольно включается будущность.

Мои произведения живописи и графики в хороших музеях, возможно будущему зрителю будет интересно знать, как жил, как думал, как переживал художник.

*Лев Снегирёв
22. 11. 2016 г.*

¹ **Дмитрий Петрович Плавинский** (1937-2012) — советский и российский художник поколения нонконформистов-шестидесятников, представитель неофициального искусства.

Анатомия самобытности

18 сентября 2016 года

Не знаю, что нужно, чтобы выжить в этом сложном человеческом мире.

Наивную инфантильность?

Хитрый, дальновидный, прагматический ум?

Только не талант – невольный источник страданий. Я всю жизнь не в формате. Ничто не поможет заглушить болезненный груз ошибок. Только самоизоляция, предоставление себе возможностей дожить спокойно, хотя бы с незаживающими ранами.

Слишком длительная сложная полоса жизни, пройденная в зависимости, в унижениях, в неверии, в ожидании последнего грядущего дня, оставляет трагические неотвратимые следы в душе, преследующие и неугасающие.

Моя участь лучше участи кошки, которая сегодня в сквере подошла ко мне, потёрлась. Попросила еду.

Мне нечем было её угостить.

21 сентября

Как хочется свободно вздохнуть, как хочется, чтобы полегчало на сердце.

Но пока неясна судьба писем Талочкина² и Б. Свешникова³, покоя не будет.

Временами страшная усталость. Хочется зарыться, уйти, исчезнуть. Ничего не радует. Потрясение иногда порождено одиночеством.

² **Леонид Прохорович Талочкин (1936-2002)**— российский коллекционер современного искусства, основатель музея РГГУ «Другое искусство». В настоящее время его коллекция хранится в Государственной Третьяковской галерее.

³ **Борис Петрович Свешников (1927-1998)** - живописец, график, книжный иллюстратор. В 1946 году был репрессирован, в 1956 – реабилитирован. Принадлежит к поколению шестидесятников.

Холодная осень. Прогуливаюсь. На сырой земле опавшие листья. После зимы вырастут новые. Так и жизнь человеческая. Уходят из жизни праведники и грешники, на смену приходят новые грешники и праведники. И не надо торопить лето, осень всё равно наступит.

Серое бесцветное небо. Деревья по-осеннему сникли. Я прогуливаюсь по израненному временем тротуару. Вдыхаю чистый, прохладный воздух. Немного успокаиваюсь в тишине провинциального города.

Прогуливаюсь один.

Не надо говорить. Душа отдыхает.

Жизнь одним днём. Пройденное в жизни обесценивается, обесценивается всё, что могло быть дорогим.

Может быть, появится свет в конце туннеля, всё может быть.

Доведётся ли дожить?

Жизнь течёт, как течёт вода, без цели, без смысла.

Течёт и всё.

Моя ошибка была в том, что я в самые беспросветные дни не смирился с судьбой, стал выкарабкиваться к жизни, сделал ненужное движение.

Мне довелось в потёмках, в кишлаке идти на свору собак. Я остался жив только потому, что не сделал лишнее движение.

Трагедии, потрясения активизируют мысль, но и сокращают жизнь. Трудно сказать, чья судьба лучше: у утопающего в расслабленном благополучии или жизнь в постоянной череде потрясений, мобилизующих силы.

Всё пережитое должно стать защитной инъекцией в новых потрясениях. Смена событий неизбежна, как неизбежно наступление весны после зимы.

Может быть, не зря в далёкие годы Отечественной войны эвакуированная женщина – соседка урезонивала моего отца в том, что он не воспитывает меня в духе понимания суровых человеческих взаимоотношений в жизни.

В молодости я впитал много человеческой доброты. Переделаться я так и не сумел. Слишком доверчив.

Холод, сырость, темно. За запотевшими окнами природа застыла в холодной промозглой тишине. Печаль дня усиливают редкие прохожие с зонтами.

Что я жду? Тёплых солнечных дней?

Продолжаю работать над «Просветлённым» и над «Девочкой с голубями». Зашёл в тупик.

Нелидово. Улица Нахимова. 2015 г.

После тёплых летних дней резко наступила холодная осень. Холодная осень в душе. Я в гармонии с природой.

Живые существа, окружающие нас всегда, относились ко мне доверительно. В памяти много запомнившихся случаев.

Как-то в пригороде Маргилана я шёл писать акварель около диких кустов и не подозревал, что в кустах сидит заяц, терпеливо ждёт

окончания работы. Он стремительно выбежал из кустов, когда я поднялся, стал собирать краски.

Подползали любопытные змеи. Их, видимо, привлекала моя малоподвижная фигура в творческом процессе.

Однажды я почувствовал за спиной слабый шелест осенних листьев, а когда поднялся, увидел змею. Она высоко поднялась над землёй, смотрела на меня, но никакой агрессии не проявляла. Живые существа такие же любопытные, как и люди. К тому же они чувствуют себя хозяевами на своей территории.

В знойный летний день я сидел в песчаных барханах, рисовал саксаулы, чувствую, что меня бесцеремонно кто-то толкает сзади. Это оказалась большая ящерица. Она устраивалась в падающей от меня тени.

Змеи обычно устраивались на тропинках между барханами, грелись в лучах весеннего солнца. При приближении чужака они не уходили, ждали, когда пришелец сам обойдёт их.

Вараны, гигантские ящерицы, обычно устраивались поодаль от тропинок, встречали и провожали гостя в застывшей, неподвижной позе, внушая страх и уважение. А человек человека не только безжалостно изгоняет со своей территории, но и уничтожает.

Я прожил жизнь в провинции и в провинции чувствую себя на своей территории.

По крайней мере, меньше допускаю ошибок. А если я чем-то похож на этих существ, то только тем, что перестал бояться людей. Слишком откровенен, доверчив. А надо бы бояться людей, как всегда, запоздало, думаю я.

Чтобы успокоить душевную тревогу, часто вспоминаю беззаботное детство, когда я скитался по Ферганской долине, попадая в места, где редко появлялись люди. В памяти ярко сохранились величавые горы, синева озёр, насыщенных отражениями каменистых скал, арчевых лесов, голубизной неба в бесконечном множестве цветовых колебаний.

Холмистые предгорья с прорезавшимися в веках тропинками, сохраняющими следы человеческой жизни. Мёртвая солончаковая степь со своим своеобразным незабываемым запахом.

Барханы безлюдные, тревожные, поросшие одичавшими сухими деревьями саксаула с редкой бледно-зелёной листвой.

Степные озёра, обрамлённые камышом, в тихой глади воды в успокоительном ритме плавают стайки мелких рыбёшек.

Ночи тихие, лунные, наполненные несмолкаемым стрекотанием кузнечиков. Поднимается из-за горизонта солнце, природа начинает жить другой жизнью, в другом ритме земной гармонии.

Меня волнует безлюдная тишина. А если встречаются люди, они своей душевной добротой, гостеприимством дополняют единство атмосферы и человеческого существа.

Пригороды Коканда. 1968 г.

Благодаря неожиданной поддержке Рустама⁴, я вернул себе трудоспособность. Работал бешено, зверски, продуктивно. Казалось, я хотел наверстать провалы затяжной депрессии.

Я ещё живу, я ещё пишу свои картины, я ещё думаю, и это моё достояние, мой замкнутый мир, и всё меньше и меньше желания выходить из этого мира, я обречён дойти до финиша своего пути тихо,

⁴ Сулейманов Рустам Раисович - президент Фонда Марджани.

незаметно, надеюсь, среди своих картин. Слава Богу, не всё ещё раздарил. Только Дудаков⁵ однажды отказался брать подарок, сославшись, что он слишком дорогой (темпера 62 года). Охотно взяла Софья Эфраимовна Черняк⁶.

Ещё в детстве меня тянуло в безлюдные места. Наверное, я унаследовал эту тягу от отца. Мой отец уходил в одиночество и был одинок. И неслучайно я всё чаще и чаще вспоминаю отца.

В молодости в далёкой Фергане у меня были слишком суровые взаимоотношения с ташкентским правлением Союза художников. Меня часто вызывали на разборки. Перед поездкой в Ташкент я приходил на кладбище к оградке, к могилке с крестом, в которой был похоронен отец. В этом была единственная возможность обрести душевные силы. Через двадцать лет я вернулся на это кладбище, оно было превращено в руины. Всё было разрушено, разрушали кувалдами с остервенением, не осталось ни одной оградки. Я не мог найти место захоронения отца.

Память об отце, память о маме наполнены грустью. И всё чаще и чаще я возвращаюсь к этой памяти. Они не могли представить, каким сложным будет мой путь в искусстве.

Мама похоронена на Ферганском кладбище.

Пережил период, когда не только письма Талочкина, жизнь была обесценена, смысл существования был утрачен.

Меня течением вынесло на берег. На этом берегу мне удалось создать «гору» картин. Но поток жизни не остановить, захватить и унести эту «гору». Куда? Зачем?

Ответа нет, как нет ответа на вопрос зачем мы живём.

Если бы мы могли предвидеть ошибки, могли бы мы их избежать?

Не предвидение – судьба движет нами.

В далёком Коканде, в далёкие времена жила художница Ткаченко Милания Ивановна. Эта хрупкая женщина многие годы провела в сталинском лагере, и была выслана в Коканд.

Я помню её маленькую комнатку, её скромный быт. Она ничего не искала, ничего не ждала от жизни. Радовалась обилию солнечного света, солнечному теплу. Жила в квартале бухарских евреев. Квартира её - в доме через дорогу, в 50 метрах от церкви. В этой церкви её

⁵ Дудаков Валерий Александрович-известный коллекционер

⁶ Софья Эфраимовна Черняк – искусствовед.

отпевали. Ушла одинокая замечательная художница - ученица Петрова-Водкина с большим прошлым. А чего было в её душе, она унесла с собой.

Пригороды Коканда. 1968 г.

Так складываются судьбы человеческие.

В этот холодный промозглый день я почему-то вспомнил далёкий солнечный Коканд.

27 сентября

За год до своей юбилейной выставки в честь 85-летия я с помощью тверской интеллигенции попал на приём к главному врачу Тверского кардиоцентра. Сказал, что моя мечта - дотянуть до юбилейной выставки, увидеть её своими глазами.

Я прошёл курс лечения, увидел свою выставку, раздарил друзьям картины, давая себе отчёт в том, что эта выставка последняя, независимо от того, как долго продлится моя жизнь. Я решил, что выставки – пустые хлопоты. Таков финал 85-летия творческой жизни.

Я не открываю истину в том, что судьбы художников выстраиваются в Москве. Моя жизнь прошла в провинции. Контакт с

Москвой был через переписку с Талочкиным. Ещё в далёкие годы я просил Талочкина вывести меня на коллекционера – покупателя. Ответ был лаконичен – в Москве он один серьёзный коллекционер. Думаю, что так оно и было. Теперь я понимаю, что он был талантливым собирателем дарственных вещей так же, как и музеи теперь пополняют коллекции за счёт дарения.

Я дарил ему картины, графику. Меня знали только близкие друзья-москвичи. Но и они не сочли нужным включить мои картины в выставку «Другое искусство», которая состоялась в Третьяковке. Предлог – я не москвич.

После кончины Талочкина я оказался осиротевшим, один на один с жизнью. На восьмом десятке я, как в молодости, начал с нуля. Не каждый может понять, что означает для художника в преклонные годы быть неизвестным и на правах начинающего выстраивать свою жизнь. Мне удалось вернуть второе дыхание ненадолго, когда Дудаков осуществил мою выставку в «Новом Эрмитаже». Но и этот храм искусств прекратил существование.

Меня выдавливали всюду. Я не вписывался, я не в формате. В этой жизни я уже ничего не ждал. С Людой привёз в музей личные коллекции, письма Талочкина и других художников. Пролежали письма около года. Автономова⁷ так и не сочла нужным дать мне какую-либо расписку. Я попросил друга, Сашу Головкина забрать письма. Сам уже не мог приехать. Врачи скрывали до последнего, что у Люды рак.

Я не мог покинуть Люду даже на два часа! Ей оставалось жить немногим более месяца, после операции, проведённой в Твери. У меня проблемы с сердцем. Жизнь катилась в бездну. Я не знаю, кто мне помог - Аллах или Господь Бог, кто мне послал Рустама.

При другом ходе судьбы не состоялся бы завершающий активный творческий период. Да и Тверь только в последние годы стала признавать меня, когда прозвучали мои выставки в Москве.

Мне была уготована участь тихо, незаметно уйти из жизни, как ушли из жизни мои ферганские друзья – замечательные художники. Да и книгу бы я не издал. Справедливости ради должен отметить положительную роль Талочкина в моей творческой судьбе. Жизнь выстраивается по таким законам, где всё неоднозначно. Может быть,

⁷ Наталья Борисовна Автономова - советский и российский искусствовед, историк искусства, заведующий отделом личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина.

он надеялся, что я сильнее, чем я есть. Ему импонировала роль духовного наставника, и он эту роль выполнил. Он держал звучание камертона моего творчества на уровне, и ниже этого звучания я не мог опуститься. И в этом была его главная роль в моей судьбе.

А если моя творческая жизнь складывалась не просто, то тут ничего не поделаешь. «Страна такая», - любил повторять Талочкин.

Самое сложное для художника-одиночки в период потрясений - обрести силы, сохранить жизненный стержень. В таких перепадах жизни нет опоры, нет поддержки, ему одному предстоит преодолеть душевный надлом, самому найти в себе психологические и философские резервы, чтобы восстановить себя.

Что делают годы с человеком? Жизнь неумолима, годы неумолимы.

Всё, что сделано в непростой жизни, должно стать утешением, и не надо разрушать и ускорять жизнь в преклонные годы грузом допущенных ошибок, бичеванием себя. Пусть другие праведники сумеют пройти подобный путь. Время всё рассудит.

Позвонила Татьяна Вендельштейн⁸. Выяснилось, что письма Талочкина у Бакановой, но нет признаков, что она готова их вернуть. Мне больно за Татьяну. Она совершила подвиг – спасла коллекцию Талочкина, а я не сумел сохранить письма, отражающие значительный период жизни.

Вернусь в свой режим, в котором работал раньше. Буду ходить работать, думать. Движение меня спасёт. Мир я не переделаю, не переделаю хищников в безобидных пернатых. Там, где я бессилен, я должен расписаться в бессилии. Покоя не будет, и не надо искать в этом покой.

Вспомнил, как мы – я и Люда – приехали к сыну в пионерский лагерь, расположенный в горах Шахимардана. Привезли арбуз, с удовольствием ели.

Сын нарисовал на клочке картона горный пейзаж. Где-то он попадает в залежах моей графики. Это воспоминание принесло облегчение.

⁸ Вдова Л.П. Талочкина, хранитель его коллекции в Государственной Третьяковской галерее.

Были красивые дни в прошлом.
Воспоминания помогают немного успокоиться.

Истина в искусстве неуловимая. Нельзя отстранённо написать сумасшедшего, для этого надо самому стать сумасшедшим.

Если Господь Бог сподобил меня стать художником, надо работать, работать. И не задумываться о том, кому это надо.
Так жили художники, так будут жить.

Ход судьбы непредсказуем. Можно ждать и не дожидаться, лучше не ждать.

«Всему своё время», – говорил великий китаец Лао-Цзы.

Я прожил не в формате, не в формате доживаю. Это означает, что я не вписался в мир. Искусство моё в молодости было не в формате, не в формате оно и в старости.

Когда-то староверы уходили в тайгу подальше от людей. У староверов было преимущество - твёрдая вера и простая земная жизнь.

Я прожил в призрачном, выдуманном мире. Этот мир разрушался на глазах, я склеивал как мог, как мог продолжал существовать. На исходе жизни запас душевных сил так же на исходе.

Вчера написал этюд – любимый пруд. Сегодня написал золотую

осень на своей улице. Проходила женщина, попросила разрешения

посмотреть. По моей улыбке она поняла, что разрешаю. «На душе стало легче», - проговорила она, продолжая свой путь.

Может быть, вот такие минутки и исчезнувшая в мире человечность помогут обрести душевное успокоение.

В молодости, в жизни всё было непросто. Но тогда я был молод и на своей территории, я вбирал жизнь, я вбирал атмосферу жизни.

В России несу тяжёлую ношу перемен, но полноценно адаптироваться так и не сумел. Я был похож на рыбу, выброшенную на берег.

Временами сердобольные люди вновь бросали меня в воду. И эта последовательность стала нормой жизни. А теперь я пытаюсь найти радость.

Два последних этюда вселяют надежду. Опять же надежду неформатную.

Когда-то на флоте, в период пятилетней службы я думал: «Всё! Мечта детства рухнула». И если я ещё дотянул до своего 85-летнего юбилея, надо отдать должное флотской закалке. Но и закалка угасает.

Ничто не вечно.

И если нам дана жизнь, надо находить повод для радости и улыбки.

Художник непредсказуем для самого себя, непредсказуем для окружающих. Но если он, несмотря на крутые трагические повороты жизни, ещё продолжает жить, значит так угодно судьбе.

Может быть творческая принципиальность, самоотдача – побудитель благосклонности судьбы.

Я прожил настоящую, независимую, полноценную творческую жизнь в последние пять лет.

В 80-м году, завершая обсуждение моей выставки в Ташкенте, авторитетный искусствовед сказала: «Снегирёв заслуживает лучшую жизнь». Если она есть, лучшая жизнь, это мои последние пять лет.

И этот самый благоприятный период моей творческой жизни произошёл благодаря поддержке, которую мне оказал Рустам. Этот творческий взрыв произошёл в печальные годы одиночества после ухода из жизни Люды.

Во мне совместились две параллели. Потрясение, пережитое в связи с кончиной Люды. И неожиданное полноценное признание, признание человеческого достоинства. И эта взрывная смесь, ворвавшаяся в мою душу, нашла выход.

За эти годы я создал больше, чем за предшествующую жизнь. Творческий взрыв, замешанный на душевной боли, стал последней гранью, за которой следуют цветы запоздалые.

Маргилян. 1984 г.

После первого года учёбы в училище я приезжал на каникулы в Маргилян. Встретился со сверстницей, которая так же училась в каком-то московском институте. Она доказывала, что искусство – занятие никому не нужное. Я был всегда плохим спорщиком, естественно, не мог убедить её в том, что без искусства человек не человек. Теперь, когда жизненный марафон позади и я сижу дома с угасающими силами, угасающим умом, понимаю, почему я не мог её тогда переубедить, – она была права.

Может быть, поэтому я щедро дарю свои работы, Господь Бог подарил мне жизнь, надо дарить то, что позволяет мне сделать эту жизнь.

Художник иначе видит, иначе думает, иначе поступает, иначе живёт, поэтому всегда не в формате. Это не привилегия, это данность. Художника можно ругать, презирать, ненавидеть, жалеть, это ничего не меняет. Ничто не может стать препятствием для появления новых художников, мыслящих иначе, иначе живущих. Жизнь, пока она есть, остановить нельзя. Антиподы должны уравнивать грешников и

праведников, слабых и сильных. Весы времени всё взвесят и расставят по полочкам. Поэтому вопрос, для чего нужны художники, кому нужны картины, какова судьба картин в будущем – это вечный вопрос и ответа на этот вопрос никогда не будет.

Запотевшее окно. За окном смутно видны силуэты прохожих. Жду почтальона с пенсией. Присмотрел уголок рядом с домом, но выход с красками пришлось отложить. Обычная бытовая рутина. Надо платить за квартиру, сходить в магазин, купить минимум привычных продуктов, приготовить еду.

Осень выдалась холодная.

Вчера рисовал нелидовские дома, замерзали руки.

Дали знать бронхи. Пришлось свернуть работу.

Нелидово. Мой двор. 2014 г.

Тюльпаны. 2005 г.

Я часто вспоминаю Рустама. Мир по отношению ко мне и к моему искусству был настолько безучастен, что в самый трагический период неизлечимой болезни Люды, я оказался беспомощен. Жалкая пенсия – вот весь единственный резерв, на котором строились бы лечение и похороны. Жизнь выдвинула условия, которые я не мог бы преодолеть.

И я не ушёл вслед за Людой только благодаря невероятной, благородной и своевременной поддержке Рустама.

Что могло нас объединять? Провинция? Азия?

У меня нет ответа.

Усталость от накопившихся сложных взаимоотношений с миром искусства невольно приводит к необходимости прибегнуть к защитной оболочке, ограждающей от мира, оставшуюся ни на что не претендующую собственную жизнь.

В своём маленьком островке души ещё сохраняются основы, определяющие содержание жизни, обогащённое богатым прошлым. Уйти, зарыться, это не просто слова, это форма жизни. Содержания достаточно в удачных этюдах, в размышлениях над несозданными или незавершёнными картинами. Надеюсь, что мне не грозит трагизм одиноческого опустошения.

Город осенью особенно красив. В серые, холодные и дождливые дни атмосфера наполнена тихим, прощальным, лирическим звучанием увядающей природы, шума дождя, шелеста листьев, сплошным ковром покрывших землю. Даже дома с балконами приобретают какую-то особую грусть, будто не природа, а дома прощаются с солнечным жизнеутверждающим летом.

У меня нет уверенности, что сумею продуктивно поработать в эту осень. Слишком болезненно стал переносить холод и ветер.

Я не устану благодарить судьбу за то, что занесла меня на склоне лет в этот уютный город.

Достаточно прогуляться по любой улице, по любой аллее, пройти мимо знакомых и незнакомых нелидовцев, всегда спокойных красивых и душа тихо успокаивается, особенно, когда успокаивается природа.

Бурно меняется мир. Мир искусства, порой становится отталкивающим, вызывающим недоумение, неприятие. А в этом городе ничего не хочется менять в добрых традициях, основанных на человечности.

Полевые цветы. 1967 г.

Опустел центральный сквер. Не сидят на скамейках пенсионеры, не видно молодых мам с детьми в колясках.

Попрятались голуби, не летают, как обычно дружно, с места на место. Только не умолкает детский гомон на детской площадке. Детям ещё предстоит философское созерцание в будущем.

Этот осенний унылый день – предвестие приближающейся зимы, холодной, затяжной. Что принесёт эта зима?

Природа отдохнёт под белым снежным покровом. Только человек в новом наряде продолжает жить в своём привычном ритме.

Жизнь стремительно меняется, хотелось бы надеяться, что к лучшему.

Автопортрет. 2014 г.

Пролетит пятьдесят лет, все мои современники – художники, представители новейших направлений в искусстве, станут такими же артефактами, как и я. Может, тогда кто-нибудь найдёт завалявшуюся работу и будет рад даже скромному этюду, которому я не придаю серьёзного значения.

Будут ли тогда художники, умеющие работать кистью? Или всё превратится в непрерывный поток шокирующих новаций, в балаган. Это дано знать поколению детей, которых пока в коляске катают молодые мамы.

В те далёкие грядущие годы переиздадут мою книгу (без ошибок), а читатели будут думать, вздыхая: «Какие были прекрасные времена. Какими счастливыми были люди».

Что меня потянуло на маниловскую мечту, я не знаю. А будущий читатель этих записок придёт к мысли, что писал их человек, бежавший из психушки. Я не предсказатель, не пророк. Не знаю, что будет через пятьдесят лет, я могу только мечтать.

Я привык спокойно работать на любой улице, на любом перекрёстке.

Удивительные люди нелидовцы, подойдут, особенно когда пишу маслом, скажут несколько слов восхищения с удивительной добротой на лицах и со словами: «не буду мешать» уходят.

Есть какая-то нераскрытая людская доброта и человечность, и это удивительное качество – реакция на простую доступную живопись лишённую заумного снобизма. Эта живопись не культивируется, как теперь говорят, не раскручивается. Такая живопись не удивит ценителей острых ощущений, не станет предметом торговли, рекламы и бизнеса. Она доступна слоям населения, у которых не только нет каких-либо познаний в искусстве, но и нет денег.

Мир изобразительного искусства и всех разновидностей искусства нашего времени расколот на зоны влияния. Искусствоведы пропагандируют ещё одни направления, категорически отрицают другие.

Вечная человеческая борьба не обходит и мир искусства.

7 октября

Роковая последовательность преследует меня, как шлейф. Там, где была возможность обрести заслуженную известность, имиджевое преимущество, неизменно возникают неожиданные причины, исключающие эту возможность. Немало было таких эпизодов.

Избрать путь провинциального одиночки была моя воля.

Но причины неоднозначны. Видно, судьбе было угодно, чтобы я до последнего был в движении.

8 октября

Засыпаю и просыпаюсь с тревогой. Успеть бы, не возникли бы непредвиденные препятствия, вероятность которых в мои годы не исключена.

Говорю себе – не дёргаться!

Приучаю себя как можно спокойнее продвигаться к своей программе, начало которой заложено ещё в далёком детстве.

Двигаюсь по-стариковски неторопливо, дают знать слабеющие ноги. Много я исходил азиатских дорог в молодости. А всё, что делается в мире искусства, меня не должно волновать. Пусть прокатывается через мою раковину. Всё это не имеет никакого отношения к моей отстранённой жизни.

На исходе сил надо дать инициативу судьбе. Судьба во всём разберётся.

Мусульманский центр в Ферганской области. 2010 г.

9 октября

Когда-то в школьные годы я любил уходить с красками далеко за город, устраивался в тихих, безлюдных уголках природы и писал этюд. И если этюд получался, я переживал восторг и необыкновенную радость. Это состояние оставляло сильный след в душе, в памяти, становилось потребностью возвращать это состояние. И теперь в свои почтенные годы я, как в молодости, испытываю тот же восторг, если работа удаётся.

Творческая потребность становится основой продолжения жизни. На мой взгляд, ограничитель развития в любой сфере искусства - выдуманное человечеством понятие «формат». Это, на первый взгляд, безобидное слово «формат» не будет исключено из мира искусства никогда. Так же, как не будет исключена роль денег. Формат и деньги взаимосвязаны, неразрывны. Потребность находиться в постоянном творческом процессе помогает выживанию в трагических поворотах жизни. Художник выполняет свою миссию. Миссия не волевой выбор, не решение, миссия запрограммирована в человеке изначально природой. А художник формируется в своих исторических условиях.

Святое дерево. 2011 г.

Если бы теперь я желал что-либо несбыточное – то это посидеть в тихой чайхане в каком-нибудь глухом, отдалённом районе Маргилана. В этом тихом, спокойном месте только и можно осознать ход и смысл жизни, обрести душевное успокоение.

Однажды я бродил по диким просторам Киргизии, в местах, где ещё сохранились следы человеческой жизни. Разрушенные стены глинобитных домов, остатки битой посуды, вросшие в землю, всё превратилось в руины, заросшие степной травой и колючками.

Жизнь, видно, давно перекочевала из этих мест. Тропинка вывела на заброшенное пустынное кладбище. Из-за могильного камня неожиданно на меня вышла одинокая, одичавшая собака. Она печально смотрела на меня. Возможно, подумала, что и я брошенный, как она, может быть, даже посочувствовала. Мы мирно разошлись. В душе моей осталось грустное воспоминание.

Собака. 2011 г.

Мне нередко приходилось встречаться с собаками. Довелось однажды посетить кишлак в предрассветное утро. Было ещё темно, по-осеннему холодно, жители кишлака безмятежно спали. Неожиданно в полутьме передо мной появилась свора собак. Возвращаться было поздно, мог бы спровоцировать агрессию. Вожак, довольно крупный пёс, принял воинственную позу и ждал. Он смотрел на меня, а я шёл и шёл, другого выхода у меня не было. И когда между нами оставалось несколько метров, вожак глухо, негромко, как мне показалось, примирительно гавкнул и отошёл в сторону. Собаки последовали за ним, мирно пропустили меня. В моих руках ничего не было, возможно, это меня спасло. Собаки понимали, что я иду с миром. Я иногда вспоминаю своё спасение, как чудо. Собаки в кишлаках не любят чужих.

Были не менее тревожные встречи в недавнем прошлом в Шарапкино. Я сидел на открытом поле, писал акварелью осенний мотив. А в это время по деревне кругами ходил гигантский бык, наводя страх на жителей громогласным оглушительным рёвом.

Я сидел далеко от этого взволнованного существа, был спокоен. На некоторое время наступила тишина. Я окончательно успокоился, как неожиданно этот гигант выходит из-за поворота, останавливается, как вкопанный, и недоумевающе смотрит на сидящего незнакомого человека. Недолго думая, он решительно идёт на меня. В открытом поле бежать поздно. Я продолжаю сидеть, внешне не проявляя никакого волнения. Он опять недоумевающе останавливается. Я вижу его ноги, слышу дыхание, но, не поднимая головы, продолжаю делать вид, что рисую. Быку, видно, наскучило стоять около совершенно безучастного человека, и, чтобы не мешать мне, он тихо обошёл меня и, удаляясь, снова принялся реветь. Может быть, он даже заужавал меня, встретив непривычное миролюбие.

А когда в этой же деревне на меня шла довольно крупная корова во время работы, я уже был в некоторой степени спокоен. Она хозяйски подошла, понюхала краски, поводила носом по мокрой бумаге, залитой красками, утратив интерес ко всему, что лежало на земле, приняла спокойную обычную позу. Мне казалось, она охраняет меня.

На следующий день она с хозяином шла мне навстречу, опередила хозяина, подошла ко мне и мягко прислонилась рогами к моей груди. Так мы вместе и застыли. Хозяин без всякого волнения сказал, что она

хочет, чтобы вы её нарисовали. Похлопал нежно ладошкой корову, сказал: – «Пошли». На этом закончилась наша идиллическая встреча. Художника уважают не только люди. Правда, с людьми сложнее – они непредсказуемы.

Живые существа передают человеку сигналы, о которых человек должен домысливать.

Я стоял у памятника Люде. Пышно расцвёл куст хризантем. Цветы осенне-желтого цвета. Любимые цветы Люды. Я стоял и думал, вот бы Люда посмотрела на эти красивые осенние цветы. И в это время вижу большую стрекозу зелено-изумрудного цвета. Она делает круги вокруг памятника и вокруг цветов, время от времени останавливается около меня, неподвижно парит на одном месте, и вновь начинает делать круги. Кажется, она пытается что-то передать мне от Люды.

Люда. 1973 г.

Предстояла сложная поездка в Москву, встречи с музейщиками. Я решил немного отдохнуть в любимом сквере. Стараюсь сидеть один на скамейке, постепенно впадая в дрему. Это моё обычное состояние в часы усталости. Надо мной в ветвях деревьев звонким прерывистым голосом стала петь незнакомая маленькая птица. Я пытаюсь её разглядеть, но небо, пронизанное лучами солнца, ослепляло глаза. Я опять вернулся в своё дремотное состояние. Слышу голос этой пташки всё ближе и ближе. Я открываю глаза и вижу, как маленькое красивое существо ходит около моей скамейки и что-то пронзительно пытается

Тревожный мотив. 1984 г.

мне сказать. Мне казалось, она хочет сказать что-то важное, но что, я не мог понять. Я был потрясён и с волнением смотрел на эту маленькую беспомощную канареечку. Может быть, она хотела сказать, зачем тебе Москва – это не твой город, зачем тебе это запоздалое, снисходительное внимание, зачем тебе цветы запоздалые. Живи, как мы, свободно, независимо, много ли тебе осталось. Ты можешь писать картины, ты можешь мыслить, ты ещё можешь двигаться. Разве тебе этого мало?

10 октября

Может быть, неслучайно в моих картинах часто изображены собаки, руины, люди в безмолвной аскетической среде, которая не имеет ничего общего с расцвеченным земным раем.

Есть какая-то необъяснимая связь изобразительной среды и моего душевного состояния, перенасыщенного аскетизмом, замкнутым отшельничеством.

Содержание моих картин построено на реальных впечатлениях, на реальной основе. Мои картины отражают жизнь, которую я впитал, от которой не откажусь ради процветающих в наше время конструктивных решений.

С молодых лет я впитал много романтических представлений о жизни. У меня нет склонности загонять мир моих жизненных впечатлений в геометрические схемы. В тоже время мои композиционные решения имеют свою закономерность, далеки от стихийного хаотического нагромождения.

Разрушенный тандыр. 2015 г.

Моя творческая энергия основывалась на жизненных впечатлениях, но сформировавшийся мой творческий мир молодости был прерван.

Жизнь раскололась на две части – азиатскую и российскую. Если бы я был увлечён искусством, не имеющим отношения к направлениям, которые строились на традиционных образных началах, переход из одной стадии в другую был бы менее болезненным. Конструкции можно безболезненно развивать независимо от условий жизни, от среды обитания.

В какие бы условия художник ни попадал, надо продолжать ту линию, которая определена судьбой, жизнью, опытом, которая исходит от души и сердца.

В мире искусства диктат денег. Диктат насаждает хаос. Человеку предлагается брать на веру – если дорого, значит гениально. Цена становится основным воздействующим мерилем эмоционального фактора, а за что дана цена – значения не имеет.

Какие только мысли не придут в этот холодный осенний день. Задул холодный северный ветер. Хотел сходить на пруды, но вернулся с дороги. Не могу отогреться.

11 октября

Сохраняя верность себе, художник эволюционно развивается, меняется в периодах, но вместе с тем остаётся самим собой. И каков бы по длительности не был его жизненный путь, он постоянно будет испытывать сильное волнение перед началом работы, приступая к новой картине. Это волнение художник несёт в себе длительное время, пока будущие картины созревают в душе, как говорил Дима, «отгнивают». Художник носитель вулканирующей в нём постоянной смены образов, вариантов, решений, представлений о будущих картинах.

Мир земной богат, бесконечно разнообразен.

Сегодня выдался холодный, серый, осенний безликий день. Вчера я вернулся с поддороги из-за холодного ветра. Но сегодня, преодолевая холод и сырость, пошёл на свои любимые пруды. Мне хотелось наперекор серости и сырости написать тёплую, красивую осень. Получилось, но не совсем так, как хотелось.

12 октября

Далёкая молодость. Мы с Людой самодостаточные люди, на своей земле, щедро прогретой солнечным теплом, где природа местами сохранила свою первозданность.

Мы любили уходить в экзотические тихие и безлюдные места. А в окрестностях, недалеко от города, шашлычник всегда гостеприимно встречал нас. Его не смущало, что мы могли себе позволить к шашлыку бутылку вина.

Жизнь была органична. Много друзей.

Кокандская квартира. 1968 г.

Дом наш был гостеприимным, открыт, как для друзей, так и для соседей. Независимо от того, соседка-уборщица это или сосед-директор. Тогда директора не жили в особняках за высокими заборами. Люда увлечённо собирала рецепты приготовления блюд разных стран и народов. И когда к нам приезжали москвичи или ташкентские друзья,

она могла всегда удивить экзотическим блюдом. Могла приготовить бешбармак или блюдо с оригинальным названием «имам Беалды упал в обморок», или карбонады по-фламандски. Такими карбонадами, пищей Рембрандта, угощали Диму⁹. Иногда готовила целый казан чахохбили, и с казаном отправлялись к Римме Ким. Она жила рядом, через дом. Корейская семья была всегда гостеприимной, нас объединял мир искусства. Это было в далёкие советские времена. Люди были богаты не деньгами, а достоинством.

Я не знаю, может ли понятие «человеческое достоинство» стать идеологией страны, или этот девиз обречён в существующем неравенстве. Такого человеческого общения теперь нет. Нет моих друзей – москвичей. Единственная радость – новый этюд, новая картина. На глазах одного поколения меняется мир до неузнаваемости. В пригородах Маргилана и Ферганы местность представляла собой дикое холмистое предгорье. Водилось множество ящериц в ярком цветовом многообразии. У входа в пещерные углубления мы находили иглы дикобразов.

Арсив (Ферганская область). 2010 г.

⁹ Дмитрий Плавинский.

Между холмами затерялась сказочная долина – Святые Ключи. Место паломничества. В праздничные дни люди стекались со всех отдалённых мест, на разных видах транспорта, даже на арбах с большими колёсами. Со временем дикие холмы исчезли, турки, высланные в эти края после Великой Отечественной войны, селились компактно. Необычайно трудолюбивые, они выровняли и обработали землю, провели арыки и на большом пустыре разбили виноградники. Долина менялась и в противоположном направлении, в сторону Андижана. Песчаные барханы со своей скудной растительностью и с живыми обитателями сравнивались с землёй бульдозерами. Это давало новые земли для бахчевых культур.

Через двадцать лет я побывал на родной земле. Пришёл в отдалённую экзотическую чайхану, сооружённую над бурным потоком Сая, под тенью талов, напоминающих ивы. В этой чайхане я когда-то сидел с Димой и Алексеем Тяпушкиным¹⁰. Теперь же сидеть в памятном месте было невозможно, от воды исходил неприятный запах химии. А когда-то мы, будучи детьми, целыми днями не вылезали из воды этого Сая.

¹⁰ **Алексей Александрович Тяпушкин (1919-1988)** — советский художник, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. После войны получил известность как художник-абстракционист, деятель нонконформистского движения.

Маргилан. 2010 г.

Моё формирование с детства происходило неразрывно с окружающей природой. Детство определило направление в искусстве. И когда Дима восхищённо говорил у Кастаки о картине Л. Поповой, построенной на геометрических формах, напряжённых по цвету, я в душе оставался безучастен.

Мои творческие усилия не вписываются в общее направление творчества москвичей. Моя участь одиночки сложилась не только в искусстве, но и в жизни, была определена судьбой.

Я смиренно, спокойно продолжаю свой земной путь.

В провинции сохранилась человеческая доброта, эта доброта другая, отличается от доброты столичных людей. Это доброе отношение ко мне нелидовцев поддерживает меня. А что касается искусства и моего взаимоотношения с миром искусства, они всегда сложные. Стараюсь жить без иллюзий.

Боря Свешников однажды произнёс простую фразу: «Основа жизни – живопись, остальное всё шелуха». Реальность – это состояние работы, процесс работы, а всё, что относится к проблеме творческого успеха, судьбы картин – эти вопросы не к художнику.

Маки. 1988 г.

Художнику достаточно испытать восторг процесса работы. Может быть, своими рассуждениями я просто пытаюсь успокоить себя, но в моей выпавшей роли я не вижу какого-либо другого спасительного сценария.

15 октября

Жизнь строилась на выносливости, на жертвенности, на преодолении потрясений. Эпизоды взлёта, необычного подъёма были редкими. Труд, скитания по древним местам – это были единственные самые лучшие дни душевного равновесия.

Где-то я попадал в колею успеха, где-то меня выдавливали из этой колеи. И весь этот путь, сложный, перенасыщенный противоречивыми по значимости событиями, приводит в конечном итоге к скромному старческому существованию.

Земля, по которой любил скитаться, остаётся в прошлом.

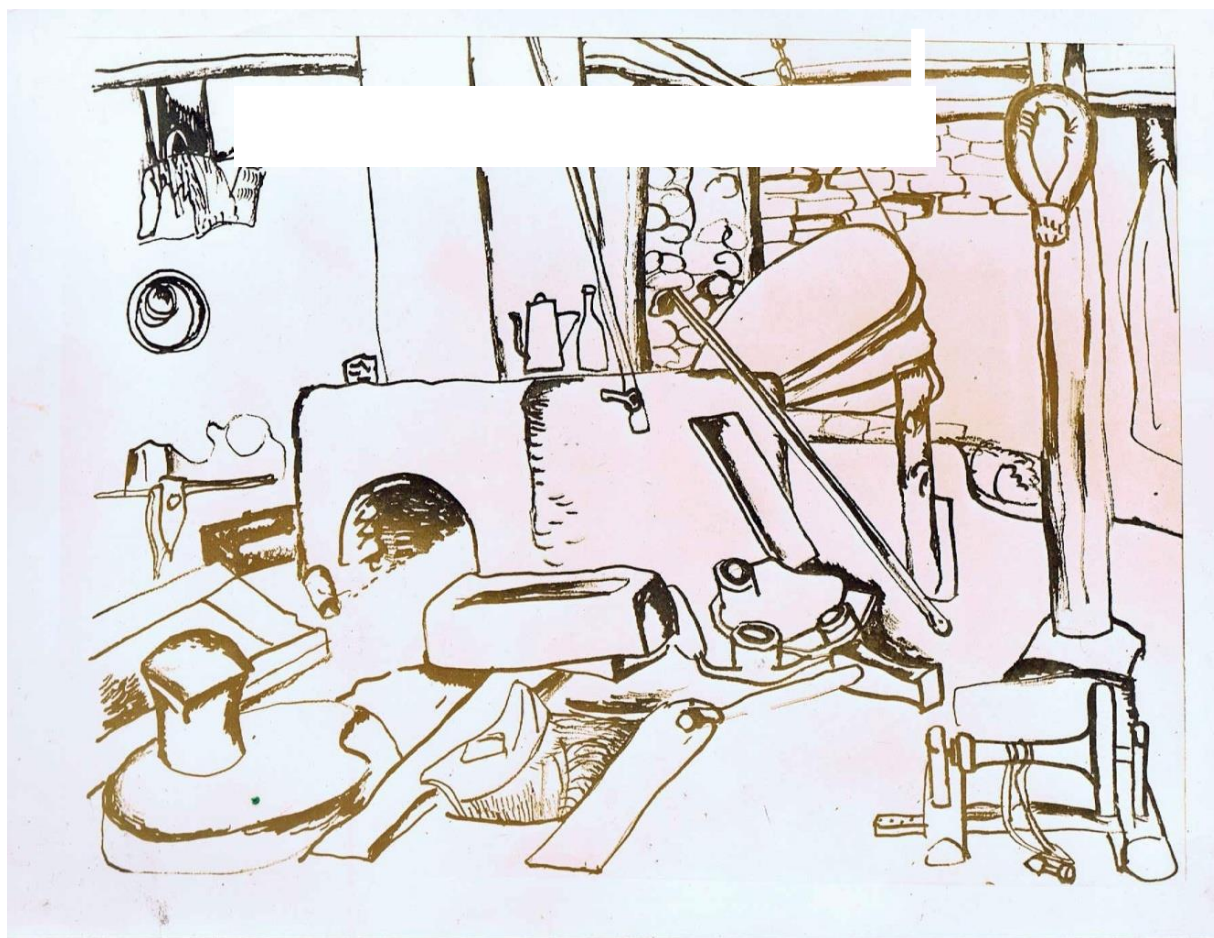
Как в молодости, пишу этюды теперь в России.

В эту холодную осень я сделал мало натуральных работ. Многие из сделанного не устраивают. Сегодня кое-что получилось. Кончаются краски, холсты.

Покупатели не предвидятся. Мир заглох. Информационные каналы только и говорят о войне. Никому ничего не нужно. Где-то кураторы продолжают культивировать форматы новейших направлений, но всё это не имеет никакого отношения к моей судьбе.

Как и в прошлом, не вижу просвета. Любимым тостом в молодости был тост «выпьем за наше безнадежное дело».

Древняя кузница в Кувейте. 1962 г.

Заканчивается жизнь этим же тостом, вот только друзья покинули земной мир.

Жизнь перемолола меня, закалила и вынесла на тихий берег, на котором я ещё могу дышать. Даже появляются идеи относительно предстоящих новых работ. Но только это всё никому не нужно. Может быть, я в своей провинции ничего не вижу, слишком драматизирую.

После окончания Великой Отечественной войны в книжном магазине Маргилана появился в продаже альбом рисунков художников-участников войны. Художники в перерывах между боями рисовали. Они понимали, что в любое время могут погибнуть, но не теряли главное – веру в то, что делают нужное дело, будут востребованы.

У людей, идущих на смерть, было больше веры, чем теперь в наше тревожное смутное время. Чем будет гордиться страна через 20-30 лет?

Ответ на этот вопрос я не узнаю. Могу быть спокоен только тем, что кое-что сделал, кое-что будет жить в музеях. Это, наверное, предел возможностей художника-одиночки.

И самое главное – я делаю только то, что мне по душе.

Какие бы исторические потрясения ни происходили в нашей земной жизни, художник никогда не остановится в своём влечении реализовывать новые и новые творческие идеи.

Пока художник дышит, он остаётся носителем творческих идей, которые могут воплотиться в жизнь в любое время, в любом материале. В ход могут пойти что угодно – зола из печи, строительные сыпучие материалы, замешанные на клеевом растворе. Он живёт вне времени, вне диктата условий, которые, так или иначе, воздействуют негативно, создавая почву неверия, утраты надежды на лучшее будущее.

Когда-то я вынужденно покидал землю, на которой родился и не представлял свою жизнь в отрыве от этой земли. Я переезжал в Россию со своей семьёй в полной уверенности, что буду доживать тихо, незаметно свой век в России. Тогда мне казалось, что жизнь в Азии была настолько насыщенной, богатой творческими событиями, что подобное повториться не может. Поначалу так оно и было.

Пятнадцать лет мои попытки проявить свою творческую линию встречали настороженность.

Я незнаком, не понятен, чужой.

Но художник живёт в движении. Рано или поздно включаются люди неравнодушные к проблемам культуры, искусства. Художник,

даже одиночка, не останется вне внимания общества, если он верен себе. А перепады судьбы – объективная закономерность.

23 октября

В 2010 году с помощью искусствоведов музея Востока я побывал в Маргилане, в Фергане. Искусствооведам удалось собрать кое-какие работы местных художников. Это были крохи. Много талантливых вещей было увезено предприимчивыми людьми в Москву и проданы иностранцам во времена Горбачёва.

Художники расставались со своими картинами с надеждой, что они будут хотя бы скромно, но оплачены. Наивные провинциалы не могли представить уровень цинизма и жестокости новоявленных

Дверь. 2010 г.

предприимчивых людей.

В компанию доверчивых художников попал и я. В результате пережил три месяца упорного драматического противостояния с этими аферистами, чтобы спасти хотя бы часть своих картин.

Художники уходили из жизни, спивались, но никаких проблесков в судьбе так и не дождались. Они были не только талантливыми художниками, но и честными, порядочными людьми. И как всегда, именно эта категория людей становится жертвой.

Теперь в России вижу, как уходят из жизни художники поколение за поколением.

Создаётся видимость, что вакуум заполняется новациями. Новации оставляют множество вопросов, на которые нет ответов.

Идёт ли сознательное убиение традиционной станковой живописи, или этот путь в искусстве исчерпал себя, обречён на вымирание, как вымерли в своё время мамонты.

Традиционное не означает неизменное. Даже на протяжении одной жизни художника его творчество меняется, как меняется состояние души в разные периоды жизни.

За что в немилости оказалась традиционная станковая живопись, идущая из глубин веков? Мне уже не понять. В бешеном ритме всё быстро меняется, стареет, умирает.

Россия запоздало будет собирать утраченное.

В 60-х годах мне довелось быть участником пленума союза художников в Ташкенте. Властями была поставлена задача: создать благоприятные условия для реанимации народного прикладного искусства - резчиков по дереву, чеканщиков, ковровщиков, ножовщиков, керамистов и прочих мастеров.

Керамист. 2010 г.

Люди этих профессий преследовались системой, вымирали, утрачивали основы существования, передаваемые от поколения к поколениям. Призыв к спасению мастеров был вызван, прежде всего, запоздалым пониманием, что государство теряет значительные валютные поступления.

В Коканде нашли одного наследственного резчика по дереву Кадырджона Хайдарова. Когда-то он Ленину подарил комплект восточной мебели из дерева с тончайшей резьбой.

В советские времена Хайдаров преподавал в школе труд. Учил школьников изготавливать табуретки. Платили за преподавание с большими перебоями, приходилось месяцами питаться одним щавелем.

Нашёл Хайдарова старейший ферганский художник Л. Панченко. Чайханщик указал на Хайдарова, выходявшего из чайханы с лепешкой, прижатой рукой к груди.

Благодаря поддержке со стороны директора Кокандских художественно-производственных мастерских Ю. Рубинова, мастер успел ещё многое сделать, но остался одиноким – наследников не было, которым он мог бы передать свои знания и мастерство. Он унёс с собой колоссальную культуру.

Просыпаюсь временами безучастным к предстоящему дню, к проблемам жизни, к проблемам творчества. Всё становится безразличным. Может быть, мой организм устал. Через усталость, через апатию пробивается мысль, идея, как писать новые картины. Может быть, мысль активизирует физические и душевные резервы организма.

Если появилась мысль, появляется надежда на восстановление физических сил. С появлением идеи душа становится немного спокойнее.

Пока я в своей глуши озабочен обретением просветления, в Москве и Питере, в ведущих центрах, устраиваются выставки зарубежных гениев. Залы Эрмитажа увешаны разными чучелами, жуками - произведениями очередного гения.

И всё это ассоциируют почему-то с Рубенсом. Что только не услышишь в этом «ящике».

У меня возможность общения с миром только через телевидение. Поэтому я безнадежно отстал, а то, что вижу, вызывает уныние.

В этом мрачке не заглохла бы собственная мысль. А перед будущим мы все равны – раскрученные гении и провинциальные юродивые.

Никаких поклонников, никаких поклонниц, и сам себе художник не поклонник.

Труд художника каторжный, а стимулируется энергией возмущения. У каторжника не могут быть поклонники, могут быть сочувствующие. Надо только до последнего не потерять силы и веру в правильности, выработанной опытом. Система жизни. А творческая каторга художника – добровольный выбор.

24 октября

Я редко бываю в Твери. И когда подхожу к зданию, в котором размещён Тверской Союз художников, вижу, как на фасаде прибавляются новые и новые памятные доски, посвящённые ушедшим из жизни художникам, работавшим в мастерских этого здания.

Пройдут десятилетия, и в памяти людей останутся только эти доски.

О картинах заслуженных художников у будущего поколения не будет никакого представления. Кое-что могут увидеть в коллекции А.А. Цуркана на отдельных эпизодических выставках.

В Твери достаточно ценного творческого наследия, и это наследие могло бы обрести своё место в музее современного искусства. Может быть, Тверь позволит себе сделать такой подарок, создаст музей, который не только обогатил бы культуру города, но и позволил бы сохранить традиции культуры и тем самым сохранить органичную последовательность, преемственность и связь поколений.

Как знать, может быть, в сложившейся в мире искусства чехарде меняющихся направлений нужна стержневая опора, помогающая новым поколениям легче разобраться, обрести определённую твердость в последовательности творческого развития.

Панический разброс от абсурда до откровенно эпатажных вещей набирает обороты. Но даст ли всё это удовлетворённость и душевное равновесие зрителю?

В двухтысячном году состоялась моя выставка в РГГУ «Тишина

Уголок керамической мастерской. 2010 г.

безмолвия». Жив был ещё Талочкин. Я приезжал посмотреть выставку после сложной операции, был ещё довольно слабым.

Меня и Талочкина пригласил к себе Н. Вечтомов¹¹ в мастерскую. По пути зашли в магазин. Коля покупал много разного съестного. Я со своей семьёй тогда откровенно бедствовал, пытался удержать и Колю от широкого размаха щедрости, чтобы не разорять его.

За столом Коля сказал, что пригласил меня неслучайно, ему хотелось пообщаться со мной. Он говорил, что устал от суровых сюжетов и новых направлений, наводнивших мир искусства, и был рад отдохнуть на моей выставке.

Что-то происходит в нашей культуре, что заставляет задуматься.

В любом случае, искусство должно быть доведено до зрителя во всём противоречивом богатстве, в разнообразии, где каждый найдёт для себя то, что ему ближе.

Может ли в наше время россиянин представить себе Россию без Третьяковки? Это невозможно. Не будь Третьяковки, что бы собой представляла страна?

Предыдущие эпохи оставили в стенах Третьяковки колоссальный пласт человеческих образов, творческого человеческого духа следующим поколениям. Люди, посетившие Третьяковку, в ярких образах видят страну, в которой живут.

В 1949 году, будучи студентом, я жил в деревянной избе у старушки за Преображенской площадью. Преображенский рынок тогда был размещён на небольшом холмике, по своему конструктивному строению был стандартен, ничем не отличался от провинциальных рынков.

На рынке я встретил старика в засаленной стёганой телогрейке. По всей видимости, он был одинок, я уговорил его позировать в зимнее время на открытом воздухе. Тогда я был под влиянием Сурикова.

У меня со стариком сложились добрые, доверительные взаимоотношения. Он много рассказывал о дореволюционной жизни, и я решил пойти с ним в Третьяковку. В раздевалке вежливо, осторожно, сочувственно взяли его телогрейку, повесили подальше в пустующем углу. Старик долго ходил по залам, вздыхал, особенно притянули его передвижники. А когда мы вышли из галереи, он, потрясённый, мог произнести только одну фразу: «Теперь и умирать могу спокойно».

¹¹ Николай Евгеньевич Вечтомов (1923-2007) – художник-нонконформист.

*Архитектурная композиция. Заркенд (Ферганская область).
Интерьер мечети. 2010 г.*

Любая страна живёт, сохраняя и передавая дух своего времени, культуру своего времени следующему поколению.

Культура страны, общая человеческая культура не может строиться на пустом месте.

А мой личный удел предопределён. Пока двигаюсь своими слабеющими ногами, пока глаза ещё что-то видят, пока трясущиеся руки могут держать кисть, пока ещё не все краски израсходованы, стараюсь быть в движении, работаю, дышу чистым провинциальным воздухом.

В своих прогулках, в своих скромных контактах с интеллигенцией города нахожу успокоение. Все реже и реже появляется повод выпить в доброй компании. А знаменитый тост: «выпьем за наше безнадежное дело» – давно забыт. Нет необходимости вспоминать другие красивые слова о «лучшей жизни». Теперь более уместны слова одной умной женщины: «Никто никому не нужен. И всё, что делают ненужные люди, тоже никому не нужно».

Когда-то наша компания, в которую входили Женя Кравченко¹², Дамир Рузыбаев¹³ и я, целый день самолётом, автобусами и пешком добиралась до сказочного древнего селения Пашкурты. В конце дня мы увидели земной уголок с миниатюрными дувалами (глиняными стенами), узкими улочками и сказочно, необычайно красивыми

¹² Евгений Николаевич Кравченко (1937-2010). Художник, уроженец Средней Азии. Входил в так называемую вторую бригаду Волкова.

¹³ Дамир Салиджанович Рузыбаев – ташкентский скульптор, также входивший в «Бригаду Волкова».

миниатюрными садами. При подходе к селению нас встретили, как стражи, в поразительном контрасте гигантские черепахи. Таких гигантов я нигде никогда не видел. Создавалось впечатление, что они ровесники этого древнего кишлака. Передвигались черепахи очень медленно. Наверное, в этом бешеном ритме нашей жизни надо успокоиться, сколько ещё хватит сил делать своё дело. Может быть,

когда-нибудь торопливый путник случайно найдёт затерянную картину и подумает: «Были же спокойные, неторопливые люди, делали своё любимое дело и никуда не спешили».

28 октября

Надо вернуться к детскому восприятию мира.

Никакой зауми, никаких изображений.

Радость восприятия, детскость, наивность – так когда-то в детстве я радовался всему красивому, всему живому.

Многие годы прошли в поисках, в анализе, в размышлениях. Надо просто оставить след своего восторженного восприятия мира, и в этом единственная возможность продолжения жизни, оставаясь наивным провинциалом на девятом десятке лет.

29 октября

В моей жизни моё искусство никому не нужно. Возможно, оно кому-то понадобится через двадцать – тридцать лет.

Если художник остаётся честным перед собой, не продаёт свою душу, не может быть такое, чтобы всё, что он делает, представляло собой ненужный хлам, но и это не исключено. Подвиг художника не в том, что он пишет картины плохо или хорошо, а в том, что он всю жизнь занимается никому не нужным делом, пишет картины, сознавая, что они не будут востребованы. А истоки разрушения изобразительного искусства были заложены на заре советской власти, когда искусство было превращено в «боевое оружие партии».

Эта тенденция утвердилась откровенно в плакатах, но и в живописи идеология была в основе требований, упрощалось искусство. Зрители более активно посещают выставки и музеи, представляющие дореволюционное искусство. Традиционная последовательность разрушается.

Жизнь собственной разрушительной тенденцией провоцирует разрушение традиций искусства. Невольно утверждаются новые направления, и в этой свалке – энергии психоза – выживание провинциального художника становится проблематичным.

Пролетели годы. Азия исчерпана, в этом большая потеря, но и залог обретения новых форм, другой системы видения теперь уже на российской земле. С продолжением поиска и надежды на результат поиска продолжается земной путь.

Сегодня 7 ноября

Семь лет утекло, как Люда покинула этот мир.

Сижу, поминаю и пью водку «Столичную», пью в одиночестве. Все эти годы прожил отшельником, а сегодня сам Бог велел выпить, поразмышлять в замкнутом мире среди своих картин.

Душевные акварели Люды на стенах квартиры, которая превратилась в запущенную мастерскую.

Придёт время, и я уйду в общество Люды. Унесу с собой многое, что не находит спрос в нашем прекрасном человеческом мире. Дай-то Бог, чтобы этот мир оставался и в будущем прекрасным несмотря на то, что правят бал больные, дорвавшиеся до денег, в безумии одуревшие и опутавшие такое прекрасное создание на белом свете и такое беспощадно оголтелое, имя которому – человек.

Люда лежит. 1973 г.

Вернусь-ка я к своим картинам. Картина это всё, что свидетельствует о человеке, что составляет человек.

Если мир человеческий безучастен к художнику, кто заслуживает упрёк? – мир или художник? Теряет мир – это точно.

Прагматизм человеческий не может противостоять фантазии творческой личности.

10 декабря

Моя творческая скитальческая жизнь завершается бесславно, в одиночестве, с накопившимися шрамами и болью, пропитавшими всё

моё человеческое существо. И всё же какие-то признаки движения в моей судьбе происходят.

Я получил сигнал из Москвы: готовится выставка, на которой будут представлены мои письма, адресованные Талочкину.

Может быть, в этом проекте есть обоснование, продиктованное временем. Если, к примеру, Кабаков выставляет чистый холст с литературными комментариями, то письма не нуждаются в пояснениях. Письма отражают суть художника так же, как эту суть художник выражает в своих картинах.

Я не помню содержания своих писем. Всё ушло в прошлое, забыто, но забыто не потому, что на смену пришло контрастно новое, лучшее.

Что может произойти, если художник неизменно остаётся невостребованным.

Реальность предельно проста: коллекционер, посещая меня, великодушно оставляет мне две тысячи рублей на бедность, вкладывая в этот жест искреннее сочувствие. Означает ли этот эпизод, что я

Коренья. 2010 г.

востребован как творческая личность на восемьдесят шестом году жизни?

Со своей стороны я понимаю коллекционера. Он не магнат и так же не нужен никому со своей коллекцией. Я даже сочувствую ему, дарю картины, стоимость которых ещё не определена экспертами и временем.

Меня часто приглашают на открытие выставок художников наивного направления. В нашем городе замечательный выставочный зал. Я нахожу нужные слова, поддерживаю художников, стараюсь помочь им увидеть свои сильные стороны, те качества, которые, на мой взгляд следует называть. Иногда полупрозрачная живопись художников, я уловить в этом мире искусства, в котором жить картинами нельзя. Слишком часто судьбы художников кончаются печально.

В скитаниях по жизни земной я иногда попадаю в творческие тупики. Постоянство движения, удары судьбы, потрясения – всё это порой активизирует внезапно возникающее просветление.

У меня погибла картина «Просветлённый», написанная на доске в 1975 году. В сырой квартире её съела плесень. Мне было жаль картину, и я решил переписать. Запоздало понял, что нельзя возвращаться к ранним работам. Единственное, что связывает с моей молодостью — это боль и страсть, и темперамент стал другим: дёрганым, нервным. В итоге я написал заново картину. Мои друзья – искусствоведы, увидев моего «Просветлённого», пришли в ужас, содрогнулись. Я довёл себя до отчаяния, писал с отключённой волей, не контролировал, не управлял, не сдерживал себя.

«Просветлённый» стал кульминацией моей жизни, возможно, это мой автопортрет не внешнего сходства, а внутренней сути сложной, противоречивой, трагической. Неожиданно в душе появилось смутное представление о методе работы в новом ключе в будущем.

Не зря от потрясения к потрясению происходят эволюционные сдвиги в творчестве художников.

Жизнь убеждает в одном: всё зыбко, всё хрупко, всё неустойчиво, подвержено разрушению и исчезновению. Реальность одна – неотступность, последовательность, неразрывность художника с

результатами своих усилий, с тем, что он создаёт. И если художнику удаётся удержать эту реальность, он живёт не зря.

Я задаю себе вопрос: нужно ли вообще писать с присущей мне максималистской откровенностью о природе искусства, о состоянии искусства в наше время, в данных исторических условиях, когда все усилия человечества направлены, как теперь говорят, на решение геополитических задач, на проблемы выживания.

Что означает в этой атмосфере судьба того или иного блаженного художника? Что означает для страны существование фанатика-одиночки, решающего свои творческие проблемы? Теряет ли страна или приобретает что-либо в зависимости от того, как складывается судьба простого, затерянного художника, имеющего статус творческой личности.

Мне однажды умный человек сказал: «Ты сделал много, и это даёт тебе основание говорить всё, что ты считаешь нужным сказать». В моей глуши остаётся только писать дневники, впадая в несвойственную мне литературную стихию.

Я уже в такой возрастной стадии, когда от жизни ничего не ждут. Всё, что я пишу, обращено, скорее, к будущему неизвестному поколению, а будет ли интерес у будущего поколения к моим дневниковым размышлениям, мне не дано знать.

Уверен только в одном: какими бы ни складывались исторические, социальные условия, изобразительное искусство будет жить, будет развиваться.

Если отдельные творческие личности затеряются в мире, тихо уйдут из жизни, как незаметно уходят птицы, искусство в целом всегда будет обогащать человечество, всегда будет сопровождать человеческую жизнь благотворными эмоциями.

19 марта 2017 года

Дал бы Господь Бог силы продлить путь, реализовать идеи прозрения на изломе жизни. Возможно, это последний излом, последних событий в моей судьбе, вызвавший тревожное осложнение здоровья.

Давно пора бы поумнеть и отказаться от иллюзий. Не время собирать камни. Протестующему романтику (к примеру) ничего не оставалось, как прибавать свои яйца к брусчатке знаменитой площади, отрезать уши.

Вершители пройдут мимо этого жеста хладнокровно, не заметят. Патологический протест спишут на умопомрачение.

Я из 19-го века. В младенчестве видел, как караваны купцов на верблюдах приходили в древний узбекский город Маргилан. Купцы в полосатых, цветастых чапанах торговали своим товаром.

В 20-м веке был свидетелем разрушения древних кварталов двухэтажных глинобитных домов в Маргилане. Людей выселили в коробки. На освободившейся площади строили рестораны, магазины.

Окраина Маргилана. 1977 г.

Теперь я в 21 веке смотрю, как творческие деятели выставляют на выставках писсуары и прочую утварь. Что ещё предстоит увидеть?

Болевое впитывание, болевая страсть отражения впитанного.

Как очертить вокруг себя круг, ограждающий от человеческой чернухи. Вера, иллюзии, надежда остаются за пределами круга. Все эти искушения, ускоряют угасание слабеющего здоровья.

Круг мой – скромный мир, живущий творческой страстью.

В круге моём содержание, за пределами круга - пустота.

20 марта

Сегодня весенний день. Яркий солнечный свет ослепляет.

Весной всегда тянуло за город. Быстро прогревалась земля в окрестностях Маргилана. Пробивалась нежная зелень травы. Атмосфера наполнялась теплом и покоем.

Окраина Маргилана. 1987 г.

Природа живёт своими законами вечности, дышит этими законами.

Человек презирает законы вечности, не имеет предела в разрушении достижений предшественников.

То, что обречено, надо вычеркнуть и забыть.

Если разум слабеет, надо смириться и не казнить себя за ошибки.

Бесчеловечность в политике. Бесчеловечность в искусстве. Бесчеловечность насаждается сильными мира. Сумеет ли мир противопоставить бесчеловечности изобразительное искусство – слабое звено.

Пикассо отражал то, что чувствовал, сознательно или неосознанно талантливо вживлял вирус разрушительной свободы в мир искусства.

Дали пошёл ещё дальше. Стоит ли теперь удивляться писсуарам – экспонатам выставок.

Конец мая. Бесцветный пыльный день. Солнечные лучи едва пробиваются сквозь облачную пелену, затянувшую небо.

Подхожу к поликлинике. Мелькают одиночные человеческие фигуры. Какая безликая жизнь, подумалось мне, но тут же возникла другая мысль о том, что есть мир искусства, есть живопись.

В моей природе живопись не ради живописи, не ради лирического цветового эстетства, а экспрессивное отражение всего накопившегося в душе. Ритмы, содержание, цветовые контрасты - всё это свободная стихия.

К сожалению, картины никому не нужны.

На некоторых художников даже очереди, как в храм идущих людей на поклонение к мощам святых. Наверное, есть неосознанное тяготение человека видеть жизнь как можно полнее, даже через мировосприятие художника.

Есть поводыри духа человеческого, они дают оценку искусству, рекламируют то, что считают главным.

Мерило всему время, а во времени остаётся только то, что успевает спасти человек.

Некоторые художники живут по принципу: чем дальше от человеческого окружения, чем меньше похоже на окружение, тем лучше.

Многое из того, что впитывает художник по жизни, рано или поздно превращается в картины, не в документальном воспроизведении, а в философско-символической трактовке. Реакция на жизнь у каждого художника своя. Кто-то отключает груз пережитых потрясений, создаёт параллельные конструктивные миры, кто-то спокойно копирует мир.

В этой неоднородности выживание художника сложное.

Свобода от культуры предшественников не означает свободу от вершителей, заказывающих музыку.

Прагматизм новаций и органичное выстраданное открытие – разные вещи. Я жил в интересные времена, когда всё было непросто, но кому-то что-то было нужно.

Завал картин в моей квартире наводит на невесёлые мысли. Никому ничего не нужно.

Выставки художников, развивающих традиции, зритель покидает иногда эмоционально восторженным.

Выставки новейших направлений оставляют часто в душе недоумение.

Наступил век пренебрежения и цинизма. Трудно представить, какая будет экспозиция в Третьяковке под вывеской «Искусство 21 века».

Искусство постоянно переживает нелёгкие времена, но пока ещё выживает. Политики разъединяют народы, искусство объединяет, если оно искусство, если интеллект человеческий ещё не зарыт в землю в глобальной политической борьбе, охватившей мир.

Пока сохраняется человеческое искусство, люди будут оставаться людьми.

В каменном веке рождались люди, расписывавшие стены своих пещер. Они уже тогда не могли жить одной охотой на мамонтов.

Цивилизация дошла до пика своего развития, когда неудовлетворённый феномен прибывает свои яйца к камням.

Может быть, это начало нового этапа в человеческом развитии?

Эта акция более впечатляющая, чем когда-то знаменитая «Бульдозерная выставка».

Что-то непонятное происходит с людьми.

Память настойчиво возвращает меня в замечательный город Маргилан.

В далёкие военные и послевоенные годы в городе жила большая диаспора русскоязычных людей.

Представление о мире искусства можно было получить в редких случаях только по открыткам, репродукциям с картин, представляющих собственность Третьяковки.

Я жадно искал контакты с теми, кто мог хотя бы что-то рассказать о методах рисования. Однажды в своих поисках я попал в небольшую мазанную кибитку, в которой жили мать с сыном. Сына звали Виктор. О Викторе шла молва по городу как о замечательном художнике. И в этом я убедился. Он на моих глазах прикрепил белую материю к стене, покрыл её олифой и по влажной поверхности виртуозно написал русалку и лебедей.

Мне казалось - такого мастерства достичь невозможно.

Он был старше меня лет на пять, его призвали на фронт в Великую Отечественную войну. С войны он не вернулся, погиб.

Его краски мой отец купил у его матери. За краски отдал почти всю зарплату.

Сколько талантливых людей поглотила война!

Нелёгкими были послевоенные годы. Ни бумаги, ни красок в продаже не было, купить было невозможно. Кисти научился делать сам из щетины.

Однажды я увидел во дворе лошадь. К соседу приехал гость из кишлака. Я ни с кем не советуясь, подошёл с ножницами к лошади и потянулся к гриве, чтобы состричь клочок для кистей. Я тогда не знал, что лошади это не понравится. Она оставила след своих зубов на моём плече. Могло быть хуже. Лошадь пощадил меня.

Маргилан в зимнее время был серый, унылый, малолюдный. Центральная небольшая площадь раскисала от грязи. Асфальта тогда не было. Площадь украшал кинотеатр с названием «Пионер». Небольшое одноэтажное здание. Слева от кинотеатра - пожарка.

Однажды в один из таких унылых зимних дней я увидел афишу «Рембрандт». Не мог дожждаться вечера. Сеанс обычно проходил вечером один раз в день. Я с жадностью поглощал кадр за кадром. В одной из сложных сцен не мог понять, что за люди вошли в дом Рембрандта, всё вынесли, сняли со стен картины, оставили только кисти. Я не имел тогда представления о существовании судебных приставов. А дальше события в фильме разворачивались всё печальнее и печальнее. В кульминации Рембрандт стоит в задумчивости у обочины дороги. Прохожий решил, что это нищий, даёт ему гульден. Рембрандт с этой монетой идёт к зданию, в котором хранились его картины, даёт сторожу гульден и уговаривает его, чтобы пропустил посмотреть собственные картины.

В помещении темно, картины покрыты пылью. Рембрандт подходит к одной из картин, локтём стирает пыль, близко всматривается в красочную поверхность и тихо говорит: «Я не зря прожил жизнь».

Эти слова залегли в мою память на всю жизнь, так же, как эта сцена.

Теперь и я на закате жизни. Что я могу сказать в своём одиночестве, в квартире, заваленной картинами?

Ломало, бросало по жизни, и всё же я писал картины, писал то, что меня могло радовать и волновать.

В своих картинах художник видит то, что доставляет ему полноту жизни. И, наверное, это главное.

Пролетели годы. Через двадцать лет, после того как я покинул Азию, я вновь посетил Маргилан. На асфальтированной теперь центральной площади доминировало новое здание. На месте бывшего кинотеатра – исторический музей. Я был удивлён, когда в музее увидел целую стену, увешанную моими рисунками, акварелями, картинами. В работах старый древний Маргилан. Маргилан моей молодости, Маргилан, которого уже нет. Город стал другим, чужим, перестал сниться в моих снах.

Маргилан. 2011 г.

Я много пишу в защиту традиционного искусства. При этом я не имею в виду серость, безликость реалистической живописи, наводнившей нашу жизнь.

Понятие традиционность, прежде всего, я отношу к станковой живописи, в которую заложена энергия сложной душевной жизни художника или просто не имеющую претензии талантливую живопись.

В большинстве случаев выставки традиционного направления лишены яркой индивидуальности. Много повторного, скованного системой обучения.

Если я пишу о традиционности, я не имею в виду повтор или реставрацию пройденных эпизодов истории живописи. Новое время

тянет за собой новое искусство – это неизбежно и естественно. Моё личное понимание искусства заложено в моей жизненной судьбе.

Я с уважением отношусь к колоссальным усилиям и достижениям наших предков. Наследие для меня, прежде всего, преемственность взаимоотношения души художника с миром, в котором живём, боль за многое происходящее в жизни.

Июнь

Я был приглашён в «Гараж» на торжественное открытие летнего сезона. До 19 часов было достаточно времени. Погода выдалась холодная, я убивал время в Третьяковке. Прошёлся по некоторым залам. Всё знакомо, ничего нового. На площадке третьего этажа облюбовал мягкое сиденье, решил дать отдых уставшим ногам.

Передо мной монитор – двухметровый экран. Сменяющиеся кадры отражают жизнь Талочкина в разные периоды и картины из его коллекции. Завершающий кадр – Талочкин и Снегирёв на фоне картины Снегирёва «Быки». Татьяна Вендельштейн подарила мне этот добрый сигнал, я даже не мог мечтать о такой чести.

В этот день в другом крыле здания в ЦДХа открывалась выставка «85-летие МОСХа». Когда-то я был принят кандидатом МОСХа в 1961 году, в период тридцатилетия этой организации и в последующем развёрнутой кампании Хрущёва против интеллигенции.

Несмотря на усталость, я всё же решил пройти по залам этой выставки, чтобы иметь представление о МОСХе в наши дни.

Я покинул выставку в таком состоянии, словно перенёс тяжёлую непосильную ношу.

Когда-то судьба гнала меня из Москвы, тревожно было на душе. Теперь я благодарен судьбе и Господу Богу за то, что прожил другую жизнь, создавал другое искусство.

Сама жизнь и атмосферное дыхание были формирующей реальностью моего искусства. В этот день меня больше интриговало предстоящее событие в «Гараже».

С Машей Филатовой мы пришли ко времени. На подступах к «Гаражу» приглашённых встречали молодые люди. Мы были в списке приглашённых, нас вежливо пропустили.

В залах уже находилось большое количество молодых людей. Казалось, собрался весь цвет московской молодёжи. Я один глубокий старик, затерялся в обществе активной жизнеутверждающей компании

молодых людей. Выручила Саша Обухова. Устроились за столиком, с нами был представитель из Чехословакии. Все пили шампанское, я традиционно коньяк.

Состояние было необычайно восторженное. Моя эмоциональная непосредственность была раскрепощена в благоприятной атмосфере. Произошло знакомство с главным куратором «Гаража» и другими сотрудниками. Я испытал чувство глубокой удовлетворённости, когда услышал доброжелательный, восторженный отзыв о моих картинах, ставших собственностью «Гаража».

Приятное и запоминающееся впечатление осталось от выставок африканских художников и архитектора из Конго. Простые бытовые сцены написаны с такой теплотой, что мне ничего подобного не приходилось видеть. Душа моя была наполнена внутренним восторгом. Я почувствовал, что мир другой. Я в своём затворничестве утратил понимание этого мира.

Искусство не умирает, трансформируется в другие формы, и эти формы будут оттачиваться в развитии.

Как знать, может быть, в этой активной молодёжи будущее искусства, будущее культуры.

Не зря великий Лао-Цзы говорил: «Всему своё время». Моё время нас - тупило 6 июня 2017 года. Я оценён и признан авторитетной аудиторией, ориентированной на новейшие направления в искусстве. Это означает, что есть искусство над временем, над быстро меняющимися направлениями. Искусство, преодолевающее условности определённых течений.

И этот день 6 июня позволяет сказать самому себе: «Я не зря живу».

Вынужденная жертвенность и страдания определённых периодов жизни были обусловлены неотступным выбором единственного пути, ведущего к осуществлению мечты и устремлённости в мире искусства.

Но вечные сомнения, переживания, поиск – это неизбежно сопровождающие факторы остаются и становятся определяющими в продолжении эволюционного развития в пути, в искусстве.

9 июня. Утро

Переписал «Просветлённого». В молодости бесперспективность в мире искусства была источником и причиной постоянной трагической

душевной боли. И когда в 1975 году я писал «Просветлённого», казалось писал не я, а моё внутреннее состояние. Оно было направляющим и реализующим конечный результат, всё в процессе живописи происходило само собой.

Через 50 лет я стал переписывать «Просветлённого» и оказался беспомощным в том, чтобы вернуть разрушенный плесенью образ.

Прихожу к выводу, что нельзя заставить себя делать то, что утрачено во времени и не дано теперь. Состояние души уже другое, нет той безысходной боли, которая неотступно преследовала меня в молодости.

Искусственно нельзя сделать то, что не исходит из глубин души. Если я стал другим, то и «Просветлённый» обречён стать другим.

Нельзя возвращаться к старым работам и переписывать их, это приводит только к безрезультативным мучениям и гибели того, что было сделано в молодости.

Этот фактор может относиться к целому поколению или даже к историческому периоду, когда происходит подъём искусства или трагическое падение.

Каждое историческое время заряжено определёнными условиями, формирующими души человеческие. Изобразительное искусство – душа.

10 июня

Продолжаю находиться под впечатлениями пережитых событий 6 июня. На душе тихо, спокойно, возможно, что-то новое происходит с чувством уверенности. Надо только спокойно пережить этот дар судьбы, дар, снимающий с души всё ненужное, всё гнетущее, всё, что сопровождалось тяжестью вечных тревог и сомнений.

Хочется довести начатые работы и настраиваться на новые идеи.

Не думал, что ещё при жизни мне будет дано пережить событие, дающее уверенность и обоснованность в том, что усилия всей моей жизни становятся не только востребованными, но и становятся историей.

Вот только прежнего «Просветлённого» я потерял навсегда. «Просветлённый» стал другим, и с этим предстоит смириться.

Трагизм моих картин не был самоцелью. В картинах надо было только найти созвучие изобразительных форм и образов с состоянием души. И это всё происходило органично и естественно.

Возвращаясь к 6 июня, должен сказать, что сильное впечатление на меня произвели светлые, красивые лица молодых людей, возглавляющих «Гараж». Новое поколение лишено чванства, свойственного нашим чиновникам, откровенное, отзывчивое, непосредственное.

Я видел, как бережно они относились к моим картинам.

Последние события моей жизни дают понять, как важны для художника спокойствие и уверенность, спокойствие я имею ввиду по отношению к творчеству.

Абсолютного спокойствия в жизни не может быть, особенно в моём возрасте. Уверенность помогает художнику создавать убедительные вещи, обладающие особыми импульсами, воздействующими на зрителя. Я потерял уверенность, когда взялся переписывать «Просветлённого». Переписал бесконечное множество вариантов. Так долго не возился ни с одной работой. Только теперь, когда немного успокоился, стал понимать, почему все мои попытки кончались неудачей. Я возвращался к старому в прошлое. Двигаться можно только вперёд, независимо от того, каков будет конечный результат.

Общее обобщение, абстрагирование всё в среде, всё из среды, в ритмах. Соединение атмосферной среды с плоскостью.

15 июня

Когда-то Оля, жена Б. Свешникова, сказала мне: «Привези несколько картин в Москву, люди должны привыкать».

В искусстве 20 века, в Третьяковке, есть вещи, оставляющие хороший след в моей душе. Это означает, что я привыкаю!

Наверное, мои тревоги преувеличены о будущности искусства. Мир ещё увидит много интересного, несмотря на перенасыщенность жестокими разрушительными событиями, в которых погрязло человечество.

Последняя поездка в Москву была наполнена необычайными важными событиями. Всё, что пережил, пересмотрел, переосмыслил, снимает груз тревог с души. Не так всё плохо, как мне казалось.

Искусство обладает способностью выживать в любых условиях. Человеческая потребность обогащать своё представление о земном существовании будет вести людей в музеи к произведениям художников. А мои тревоги вызваны образом жизни в самоизоляции и трагическими примерами судеб многих художников. Не каждый художник готов к жертвенности и к самоограничению во многих параметрах жизни. Художники обычно мечтают красиво жить, иметь титулы, пользоваться известностью, но принципиальная позиция художника не всегда гармонично совпадает с требованиями и условиями, существующими в определённые исторические периоды. Непонятен образ жизни некоторых художников, непонятны их поступки, но если и понятны, не каждый выбирает бескомпромиссный путь. Для этого надо иметь сильную веру, убеждённость, готовность к любым условиям существования.

16 июня

Сегодня возникла неожиданная мысль относительно живописи. Дал бы Господь Бог силы осуществить возникшие идеи в предстоящих работах.

Даже в самоизоляции, в условиях ухода от суеты, тусовок, имея возможность концентрироваться на главном, прозрение даётся как подарок, редко на исходе сил.

Я видел много гнетущего в мире живописи. Наверное, это от того, что задачи художников изначально мертвы, не завязаны с жизнью, доминирует стремление к оригинальности, желание превзойти в оригинальности других.

Оригинальнее «Чёрного квадрата» выдумать невозможно.

Лучше коряво, чем слащаво, лучше небрежно, чем выхолощено. Человека можно причесать, жизнь причесать нельзя.

Продолжаю переваривать впечатления от последней поездки в Москву. Наверное, одиночество располагает к размышлениям. Почему-то возвращаюсь к Пикассо и Дали. Наверное, самые яркие художники времени, в котором я живу. Может быть, мир таков, каким его изображали эти великие художники. Если вдуматься во всё, что происходит по инициативе человечества, мир ещё более абсурдный, суровый и жестокий. В мире прогрессирует тенденция взаимного

уничтожения и самоуничтожения человечества. В сложных человеческих взаимоотношениях с непредсказуемым будущим фантазия художников может завести так же в непредсказуемое будущее. Очевидное только одно, возврата к старому не может быть результативным и живучим. В последней поездке в Москву я обратил внимание в Третьяковке на то, что 20 век в своём многообразии дал некоторые сильные качества в искусстве, дал точки опоры, есть основа для развития. Кому-то предстоит найти прорыв. Наверное, этот прорыв будет не на отрицании. Это было бы просто, а на избирательной основе итогов сложного пройденного пути в искусство 20 века. Будет ли это искусство называться новейшими направлениями или просто искусством, в любом случае, зрителям и любителям искусства предстоит привыкать. Молодёжи привыкать не надо, они сами инициаторы новых поисков.

В своих размышлениях я не утверждаю истину, истину утвердит время. Я только отражаю в своих записках свой путь, свой ход к этой истине.

Размышляя, я иногда противоречу сам себе и, тем не менее, через сомнения прихожу к определённой ясности, помогающей мне в работе.

21 июня

Глухонемые по движению губ улавливают содержание разговорной речи. По ритму и по цветовому строю зритель воспринимает эмоциональное воздействие и содержание картин.

Содержания картин бывают странными, как странными бывают сны человеческие.

Последнее время уничтожаю много акварелей. Сказалась затяжная самоизоляция, утрата объективного понимания собственных усилий в акварели. Работал много, но не делал паузы для самоанализа. Провинциальному художнику иногда надо пролететь над миром искусства, как пролетает беспилотник, взглянуть сверху, куда катится этот мир, и спокойно разобраться в увиденном, в своём тихом одиночестве.

23 июня

В далёком детстве мы, детвора, любили уходить далеко за пределы города Маргилана. Много было безлюдных, диких, а порой просто одичавших мест. Нетронутая человеком природа производила на нас, детей, сильное воздействие. Мы не только чувствовали себя дикарями, мы были дикарями, и нам это нравилось.

Узбеки обычно жили в полной гармонии с природой, оставляли многое нетронутым, казалось, это было сознательно.

В одном из таких безлюдных сказочных мест был одичавший пруд, превратившийся в болото. На большом расстоянии при приближении к этому болоту можно было слышать громкое кваканье множества лягушек. Это было не просто кваканье, это был хор,

многоголосье, хор, переполненный лягушачьими вариациями, руладами. хор самоутверждения жизненного восторга.

Заброшенный угол. 1987 г.

Мне не приходилось в жизни встречать что-либо подобное.

Тёплый климат, обилие солнечных дней помогают природе сохранять необыкновенную атмосферу, а порой тревожную загадочность.

Наши детские души впитывали благотворные, особые, необъяснимые импульсы, исходящие от первозданной природы.

В первой половине 20-го века мир был совершенно другим, были другие человеческие взаимоотношения. Сама природа и атмосфера земная были другими.

21 век жесток, взаимоотношения между людьми стали сложными, и к этому нельзя привыкнуть.

У доверчивых романтиков не развит иммунитет против уловок недобросовестных людей. Аферисты пользуются психологической незащищённостью человека, временами жестоко наказывают.

Прожить без потерь невозможно. Новое поколение воспитано в другом режиме, более живучее в практической жизни. И это новое поколение будет создавать новое искусство, другое, как другим стал мир.

Да и моё искусство на протяжении моей жизни становится другим. А сам я всё больше и больше тяготею к замкнутости. Только наедине со своими работами обретаю душевную тишину.

В далёком 90-м году я шёл по улицам города Ферганы. Это был мой последний день прощания с городом. Встретился старый друг – художник. В напутствие он сказал: «Живи, Лёва, для себя».

Я не мог тогда осмыслить эту мудрёную фразу. Теперь, через 27 лет, эти слова всплыли в моей памяти и, как мне показалось, кстати.

Мне захотелось писать картины только для себя, только для своего бредового утешения. Что это будут за картины, я не знаю, и не знаю, буду ли их показывать кому-либо. Наступило время последнего аккорда, и у меня нет желания, чтобы малейшее извне давило моё сознание.

Я так работал обычно всегда. Но теперь потянуло в более максималистский режим. Этот режим - моё спасение и зацепка в жизни. Дал бы Господь Бог ещё сил!

1 июля

Если лестные слова не насторожат, жди беды. Как всегда, запоздалый вывод.

У отмеченных Господом Богом людей, всё не так, как у людей.

Впадать в уныние от своих ошибок – грех, грех наказуем.

Задул порывистый ветер, пошёл дождь. Я продолжал сидеть на скамейке в сквере, не хотелось уходить.

В постоянном движении жизнь пролетает незаметно. В паузах чувствуешь, что живёшь.

Посылая нам травмирующие ошибки, Господь Бог предупреждает нас о более серьёзных ошибках.

Пикассо считал себя Богом в искусстве. Я всего лишь отмеченный Богом.

Человек, как мясорубка, должен перемалывать потрясения, ошибки, невзгоды. Если он не перемелет, жизнь перемелет его.

Когда художник уходит из жизни, его картины, даже самые бредовые, начинают излучать интригующие импульсы.

Наступил век перезагрузки. Аферисты процветают, наивные страдают.

3 июля

1961 год. Увидел мою картину «Трактористы Язь-Яванской целины» на молодёжной выставке в парке Горького корреспондент «Комсомолки». Он полдня провёл со мной в беседе. Я тогда поделился своими планами побега из Москвы. Позже он сказал моим друзьям, что я наивный человек. А выставка тогда просуществовала всего четыре дня. Закрыл соцреалист академик Серов. Статья в «Комсомолке», естественно, не вышла. А была ли выставка? Теперь никто не знает.

Картина «Трактористы...», свёрнутая в рулон, много лет пролежала в Маргиланском сарае, потрескалась. Мама решила, что картина не нужна, отмыла. Холст пустила по хозяйству.

Далёкий провинциальный город Маргилан. Только в этом городе могли существовать наивные люди. Всё представляло ценность, даже покрашенный кусок холста.

Не зря нам, советским детям, внушали – «в капитализме человек человеку волк». А я продолжаю в людях, даже в первых попавшихся, видеть доброту и порядочность, сам лезу в пасть хищникам.

Я никогда не задумывался о важности такого понятия как «новейшие направления в искусстве», современное или несовременное искусство. Я отражал жизнь, а судьба щедро дарила содержание. Новейшее это отражение или не новейшее не имело значения.

Смотреть, смотреть, смотреть и сделать всё по-своему, пока через красочный слой не пробьётся жизнь.

Голая страсть и никакой логики.

Как бы ни старела душа, как бы ни дряхла, как бы ни разрушался разум, с годами в душе должен сохраняться накал, накалённость, иначе в искусстве будет размазня. Судьба внезапно преподносит сюрпризы, покоя не бывает. Потрясения усиливают накал. Радость и печаль в единстве перемальваются и отражаются в созданных вещах.

Единственный способ избежать ошибки - не доверять собственному слабеющему уму.

7 июля

В часы усталости вспомни боль и страдания, которые перенёс сам и создал близким в мифической погоне за истиной в искусстве, и уставшая, обессилившая душа вновь обретёт импульсы жизни.

Не могут усилия всей жизни порой безысходно кануть в пустоту времени.

Мы с Женей Кравченко любили в наступившей вечерней темноте сидеть в какой-нибудь затерянной, укромной маргиланской чайхане.

Душа обретала благостное состояние. Как-то рядом присел узбек, пропел песню. Женя спросил меня, о чём он поёт.

Он пел, посылая слова нам о том, что мы подстраиваемся к узбекам, сидим вечерами в чайхане, как они. Но мы никогда не почувствуем то блаженное состояние, какое испытывают они вечерами в чайхане после трудового нелёгкого дня, вспахивая кетменем высохшую землю.

Фактор отсутствия в этом человеческом мире, единственное состояние, способствующее эволюционному продолжению и продвижению живописи.

Достаточно рано утром выйти из дома, почувствовать атмосферное состояние, оно всегда разное, и душа наполнится радостью жизни.

Дерево. 1984 г.

В соседнем дворе росло много деревьев. Я часто сидел под этими деревьями, работал акварелью. Надо мной, перелетая с ветки на ветку,

пела прерывистым тонким голосом маленькая пташка. Казалось, она была рада контакту с художником.

Деревья спилил человек, купивший этот участок. Теперь птица не поёт, да и я перестал заходить в этот двор.

В молодости я иногда приезжал в Москву, чтобы увидеть своими глазами то, что делают собраты. Попали мы с Димой однажды к Кабакову в мастерскую на чердаке дома около Кировского метро. Много было забавного в его рассказах. Приведу только один эпизод. Три листа. На каждом нарочито примитивно нарисована рука, указательный палец направлен на силуэт головы и текст. На первом - «ты не личность», на втором - «он не личность» и на третьем - «и я не личность».

Много на свете замечательных художников. Работали потому, что были рождены художниками и работали, как бы сложно ни складывалась творческая судьба, не задаваясь праздным вопросом, личности они или не личности.

Певчая птица не может не петь, она появилась на свет певчей птицей.

Самоотрицание – оригинальный приём самоутверждения, предтеча тупикового периода.

Человек в отличие от канарейки расширяет диапазон своего эволюционного развития.

31 июля

Картина – не жизнь, реакция на жизнь.

Острота реакции художника на жизнь остаётся в сознании зрителя, передаётся зрителю, если картина убедительно излучает дыхание жизни.

Формальные заморочки могут привлечь оригинальностью, но так и остаются заморочками.

Не зря когда-то нам, молодым студентам, старики говорили: «У каждого художника своя аудитория».

3 августа

Я иногда задумываюсь, как относились соплеменники в пещерные времена к художникам, расписывавшим стены пещер. Оказывали преференции в виде дополнительного куска мяса или поносили за тунеядство? Сведений нет. Пещерные художники занимались самовыражением, но такого слова они не знали, просто испытывали потребность в рисовании.

Моё преимущество в том, что я знаю это слово, а результат самовыражения – гора картин в собственной квартире. Судьба картин от желаний художника не зависит, могут исчезнуть, как исчезает многое дорогое нам.

Тем не менее, у меня есть утешение – это магическое слово – самовыражение. Поносить меня за тунеядство не будут. Я на заслуженном отдыхе.

9 февраля мне довелось быть участником беседы с московской творческой молодёжью в музейном центре «Гараж». Одна из участниц задала вопрос: «Что вами движет если вы работаете заведомо зная, что картины никому не нужны?» Я ответил: «Сознание, что не зря живу». Не знаю, насколько был убедителен мой ответ. Может быть, мы вообще зря живём, если приносим такой ущерб земному шару, затерявшемуся в бездне космического пространства.

4 августа

Всё, что может оставить в наследство будущему поколению провинциальный художник, – это результаты самовыражения в картинах. В рисунках и даже в записках из серии «Анатомия самобытности».

Мои откровения не вносят хаос. Не оставляют за собой следы разрушений. Это просто мысли вслух. И если потомки уловят хотя бы некоторую культуру и человечность во всём, что я делаю, жизнь моя не пустоцвет, я не посягаю на достоинство раскрученных персон.

В судьбах раскрученных пусть разбирается время. Для меня достаточен добрый отзыв друзей и незначительного количества людей, с которыми я вступаю в контакт.

В советские времена бытовала фраза «писатель пишет в стол». Для художника нет разницы социализм или капитализм, в стол

картины не загонишь. Всё, что не раздарено, остаётся с непредсказуемым будущим.

12 августа

Что за существо художник? Ошибка природы или, наоборот, избранник природы?

В контакте с людьми он не может быть гладким, обтекаемым, угодливым. Постоянно совершает неразумные поступки, не всегда понимает даже то, что делает сам в своих картинах. В элементарных ситуациях теряет разум, постоянно оставаясь недовольным самим собой.

В Азии успокоительным для меня убежищем была чайхана. В России душевное равновесие обретаю в замкнутом одиночестве.

Нелидово. Зима. Выставочный зал. Моя очередная персональная выставка. Меня пригласили на встречу с детьми детского сада. Было много встреч на моих выставках, но с такой публикой я ещё не встречался. По своему обычаю прихожу раньше. Но вот открывается дверь, и детвора с шумным гомоном посыпалась в зал. Пока воспитательница помогала детям раздеться, я обдумывал, как найти контакт с этими малышами. Наконец все собрались около одной стены, затихли.

Аня (служительница выставочного зала) сказала несколько вступительных слов, представила меня.

Дети, запрокинув головы, затаив дыхание, как галчата, глазами ожидания смотрели на меня. Я начал с рассказа о том, что родился и вырос в далёкой сказочной стране, где много тёплых солнечных дней, а дети, такие как они, бегают всё лето в одних трусиках. После слова «трусика» дети неожиданно взорвались дружным, звонким смехом, да так закатились, что воспитательница успокоила их с трудом.

Контакт состоялся. Дети внимательно слушали, спокойно переходили от одной картины к другой. В последнем зале дети начали шалить. Стало понятно, что лимит детского терпения исчерпан. Встреча завершилась. Ко мне подошёл мальчик и не по-детски серьёзно сказал: «Я буду художником». «Он будет художником. Это серьёзный мальчик», - поддержала воспитательница. Затем подошла девочка и трогательно протянула мне слегка помятый полиэтиленовый пакетик,

в такие пакеты обычно кладут продукты. Я растерянно спросил: «Зачем»? «Будете класть краски», - участливо проговорила девочка. Она взволновала меня и рядом стоящую Аню.

Подошла ещё девочка, попросила завязать ей шапку. Я растерянно и беспомощно сказал, что тётя Аня лучше меня может завязать шапку. Аня выручила меня.

Встречи с малыми детьми, со школьниками, с пенсионерами всегда оставляют в душе добрый след.

Люди разных возрастов нуждаются в таких встречах. Эти встречи - самые добрые минуты жизни.

24 августа

Жизнь представляет собой объективные определённые условия, которые способствуют развитию или создают трудности художнику в его творческих усилиях.

Жизнь не зависит от художника, художник зависит во многом от жизни, тем не менее, он несёт в себе собственный независимый субъективный мир представлений о нашем земном существовании.

Факторы объективного и субъективного в слиянии позволяют художнику создавать сильные вещи. К примеру, картина «Похороны Ленина» Э. Белютина в экспозиции «Искусство 20 века».

Более упрощённые решения, когда художник изображает стоящих, сидящих или идущих куда-то людей, меня не волнуют. А формальные заморочки, наводнившие мир искусства, не дают будущему поколению возможность понять и получить представление о том, как думали, как жили, как переживали люди в наше время.

В советские времена можно было посмотреть в Манеже «Всесоюзную выставку изобразительного искусства», воочию убедиться в том, что живёшь в могучей необъятной единой стране, в которой всюду художники живут одинаково, думают одинаково, пишут картины одинаково. Теперь каждый город представляет свой суверенитет в развитии культуры и искусства. В одних городах преобладает увлечение оригинальными декоративными решениями, другие застряли в реализме, унаследованном от советских времён. Ну а малые города, как моё Нелидово, стараются стимулировать развитие художников наивного направления. Наивные художники - самая независимая категория творческих людей.

Не имея никаких знаний, опираясь только на интуицию, они работают от души и для души.

В замечательном городе Нелидово есть хороший выставочный зал, добрая человеческая атмосфера зрителей. А профессионалы высокого класса академической школы редуют, покидая земную жизнь.

25 августа

По случаю лечения в кардиологическом диспансере Твери я убивал свободное время в прогулках по городу.

В один из тёплых солнечных дней я облюбовал скамейку на берегу Волги и долго сидел в размышлениях. На противоположном берегу речной вокзал, разрушающаяся архитектурная достопримечательность города.

Сколько замечательных художников в прошлом причаливали на речных пароходах к этому вокзалу, сколько песен о Волге пропето, сколько создано произведений искусства.

Я со своим азиатским происхождением, скитавшийся всю жизнь по земле и сыпучим барханам, опалённым жгучими солнечными лучами, смотрел на спокойную водную гладь и пытался почувствовать величие этой воспетой человечеством великой реки.

Опять дождь. Опять город погрузился в мокрую, печальную тишину. Опять за окном проходят редкие человеческие фигуры с зонтами. Опять откладывается выход с красками к намеченным местам, образ которых и состояние вынашиваю последнее время. Опять атмосфера, пропитанная влагой, наполнена осенней грустью, а ещё даже не наступил сентябрь.

26 августа

В свои 86 лет продолжаю вспоминать первую встречу с большим честным художником Петром Максимовичем Никифоровым. Помню каждое его слово. Его наставления оправданы всем пройденным опытом жизни. Художники будут работать хуже, лучше, но я помню вещи, они и сейчас живы в моей памяти, подобное мог сделать только Никифоров.

Где они теперь? Никому неизвестно. Художник жил скромно, как обычно жили в провинции никому ненужные художники, не вписавшиеся в соцреализм.

По своей культуре, по своей человеческой духовной основе он был из 19-го века, стойкий мученик системы.

Акварель – вечное движение, вечная загадка, непреодолимое влечение.

Для того, чтобы создавать нормальное человеческое искусство, надо было жить ненормальной, нечеловеческой жизнью.

Отсюда груз болевых воспоминаний на закате жизни. Так устроен мир.

Много безрассудных поступков совершил я на своём веку. Что меня спасало? Благодарю Господа Бога.

Излагая свои мысли на бумаге, я беседую с будущим поколением. Как знать, может быть, ещё не исчерпаны мои взаимоотношения с нынешним поколением?

Последние дни августа выдались холодными. Я завершил холст «Белый дом», решил прогуляться. Любимый сквер опустел, слышны только детские голоса на детской площадке.

Осиротевшие голуби тревожно перелетают с места на место в ожидании корма. Лёгкий осенний ветер охлаждает моё лицо. Кажется, что природа проявляет заботу, создавая мне прохладу после напряжённой работы. Душа наполняется состоянием тишины, сознанием, что жизнь интересна и богата всюду, надо только сделать паузу, дать себе время, чтобы почувствовать это тихое блаженное состояние.

31 августа

Уникальность моих картин в том, что так как я работал всю жизнь, работать никто никогда не будет. Для этого надо прожить жизнь, которую прожил я. Неповторимость жизни, неповторимость эпохи, неповторимость судьбы – всё это откладывает печать на моём творчестве.

А будет ли моё искусство волновать людей и будет ли человеческая потребность сохранить этот груз записанных холстов, оргалитов, бумаги – проблема непредсказуема, всё во власти судьбы.

Если говорить об авторском понимании своих вещей, основная особенность в том, что они завязаны с жизнью, исходные от жизни.

Философская вещь трактует моё отношение к жизни, а если пишу дом, он отражает среду моего обитания.

Об уровне художественных решений предстоит судить не мне.

1 сентября

2004 год. Период, когда казалось, всё в жизни рухнуло. Отчаявшись, я пришёл в «Новый Эрмитаж» и сказал Дудакову, что хотел бы сделать свою последнюю персональную выставку.

- Последняя у попа жена, - строго и назидательно проговорил Валерий Александрович.

- Почему последняя жена? - спросила сидящая рядом Софья Эфраимовна.

- Попам разрешается жениться один раз, - последовал ответ.

В своей суровости Валерий Александрович был прав. Много ещё удалось осуществить персональных выставок. Состоится ли последний значимый аккорд? Какова будет кульминация сложного, порой трагического творческого пути?

Я сделал всё, что мог в этой жизни, в искусстве. Нужен ли я миру искусства с завалом своих картин?

Как знать?

2 сентября

Прогуливаюсь. Слабо прогревают солнечные лучи уходящего лета. Уходит ещё одна полоса жизни.

Пересмотрел последние работы. Это не картины в привычном традиционном понимании, просто реакция на жизнь.

Новейшее или старейшее это искусство и искусство ли вообще, у меня нет твёрдого понимания. Некоторые холсты сразу же хотелось переписать на новые работы. После некоторых размышлений решил оставить.

Я могу быть недовольным качеством тех или иных своих работ, но не экспертом. К тому же картины отражают разные периоды жизни, и не следует их доводить до определённого, в данный момент, навязчивого стиля.

Одну и ту же работу могут оценить по-разному. Разные судьи, разные оценки. Надо только смириться с тем, что всем созданным моим вещам предстоит свободное плавание во времени, а к какому берегу причалят они дано знать, опять же, только времени.

Мой творческий жизненный труд я бы назвал летописью моего века в трактовке художника, так же как мои письма и книги.

К сожалению, много работ разошлось по миру, много погибло в бесконечных переездах. Особенно мне жаль мои ранние акварели.

В школьные годы я много колесил с акварелью по азиатской земле на велосипеде. Большое количество акварелей оставил Игорю Комаревскому, когда был призван на флотскую службу. За время службы Игорь сумел раздать все мои акварели своим девицам. После училища он благополучно окончил Суриковский институт, благополучно жил, но как сложилась его дальнейшая судьба, мне не известно. Как творческая личность он сформировался до «оттепели» до появления шестидесятников. Однажды я случайно встретил его в районе Чистых прудов, пригласил к себе, показал одну из работ.

Он посмотрел снисходительно и сказал: «Бить тебя будут».

Я не стал показывать ему другие работы и больше никогда не встречался.

6 сентября

Нелидово для меня остров доброты и человечности. Но появляется обиженный природой недалёкий человек из Ржева, нагло берёт на себя право вмешиваться в мой творческий мир, всеми силами пытается отравить мою жизнь. Я приостанавливаю взаимодействие с выставочным залом. Снимаю с повестки свою намеченную персональную выставку.

В жизни нет убежища. Убежище - в избранной позиции к жизни.

Переживания предстоят, прежде всего, сотрудникам выставочного зала.

Состояние культуры города сложное, много трудностей. И находятся типы садистским образом разрушающие и без того хрупкий мир творческой жизни.

Удар был направлен против меня, но пришёлся по городу.

Происходит разрушение нормального человеческого культурного климата. Меня эти выпады в какой-то мере потрясли своей неожиданностью. Я отвык от таких ударов, но в прошлом немало сталкивался с подобными «критиками». Надеюсь, ещё не растерял иммунитет.

Излагая свои мысли на бумаге, я заглушаю в себе чувство одиночества.

Как знать, может быть, где-то, когда-то найдётся собеседник.

Три года самозванный оракул беспрепятственно орудует в нашем городе. Наше молодое поколение, возглавившее Выставочный зал, безучастно ждало, чем это всё может кончиться, в полном неведении о том, какими жестокими и бесчеловечными бывают взаимоотношения в мире искусства.

Наш город этого не знал в течение прошедших двадцати лет.

По воле судьбы в жизни происходят переломные события, в результате которых возврат к прошлому становится невозможным. Как бы этого не хотелось. Наступает новая полоса восстановления сил, новых надежд на продолжение жизни.

Не надо ничего ждать. Плохое и хорошее приходит само по воле Божьей. Надо просто радоваться наступившему дню, что-то делать для утешения собственной души.

В 1993 году тверской предприниматель Цикулин устроил мою выставку в ЦДХ. Пятнадцатый зал. На одной стене картины, на противоположной акварели. В день открытия по залу идёт высокая девица на высоких каблуках с рюмкой в руке и говорит подруге: «Я тащусь от акварелей Снегирёва».

Теперь и я тащусь по жизни, доживая свой отпущенный век.

Должен сказать, что я последнее время спиной стал чувствовать холод, с которым встречают некоторые зрители мои выступления на открытиях выставок, и в этом меня никто не переубедит. Зачем загружать публику соображениями, которые им чужды, далеки, не понятны. Может быть, мышление ржевского оракула им ближе и доступнее. Всё может быть.

Человечество богато в своём многообразии.

Художнику надо писать картины, а не заниматься просветительством. На эту роль есть претенденты. Пусть они морочат головы людям, которых устраивает то, что есть, и которым не требуется то, что может быть.

Говорят, чужая душа потёмки. Я не собираюсь искать виновных в сложившейся обстановке, только не нахожу возможным своё участие в дальнейшем в выставочной жизни города. Я наивно полагал, что нахожусь в той возрастной стадии, когда уже нет угрозы подлых ударов.

Ан Нет!

Не оставляют старика в покое. Не остановить чёрную зависть.

8 сентября

Сегодня немного потеплело. Я взял с собой бумагу, пастель и пошёл на свои любимые пруды.

Моросил осенний мелкий дождичек, но я даже не стал раскрывать зонт. Лёгкий прохладный ветер возвращал к жизни мою больную голову. Рисовал, а больше просто сидел, впитывая тихое целебное воздействие осеннего состояния природы.

Если ещё есть силы передвигаться, если ещё есть силы рисовать и писать картины, если ещё не стёрлась память о замечательных событиях, происходивших в моей творческой жизни, душа по-прежнему будет жить полноценной, сложной, творческой жизнью.

Убеждаюсь на опыте жизни в том, что создание картины, написание картины – процесс, не имеющий отношения ни к течениям в искусстве, ни к направлениям, ни к деньгам, маячившим где-то на горизонте. Это таинство зарождения новой жизни, если только новая жизнь состоится.

Ни время, ни эпоха, ни условия не могут заглушить внутреннюю индивидуальную силу художника. Когда он в процессе работы отключается от видимых и невидимых факторов воздействия.

Нет желания возвращаться к ржевскому оригиналу, но невольно возникает мысль: почему в качестве мишени он выбрал именно меня?

Глядишь, и заметит история этого человека, смело нападавшего на Снегирёва и очень «умно» развенчавшего его имидж.

А так проживёт в полной неизвестности, и бесследно исчезнут следы его «гениального» ума, и останется незамеченной его незаурядная значимость в мире искусства.

Неприятно завершать свои рукописи мыслями о человеке с чёрной душой, но что поделаешь - такова жизнь. Всем хочется остаться в истории, цена не останавливает.

А мой путь продолжается, и будет продолжаться.

Длина пути определена судьбой и Господом Богом. А городской общественности надо понять, что я ухожу на заслуженный отдых. Я заслужил этот отдых. А жизнь есть жизнь. Происходят события, независимые от нас. И если человек что-либо собой представляет, он невольно вносит в эту жизнь свою энергию и тем самым вызывает ответную рефлекторную реакцию, становится участником этих событий, более того, становится мишенью. Чем значимее личность, тем более и изощрённее выпады он вынужден выдерживать. Новоявленный «критик» в газетных статьях подлым образом приписывает мне слова, которые я никогда не говорил и никогда не опущусь, чтобы говорить в своих выступлениях.

Это не критика, а дебильный приём с целью опорочить и добить. Что касается «критических» выпадов, понимание искусства в историческом развитии его примитивной душе просто не дано.

Я мог бы не останавливаться так подробно на этом мелком человеческом эпизоде, но мой стареющий организм даёт тревожные сбои. Не думал, что на закате жизни мне ещё предстоит встреча с подобной нечистью.

Разрушая меня, он разрушает состояние общественного равновесия (в части выставочной жизни города), которое создавалось в течение четверти века. Понимает ли это город, я не знаю. От этих выпадов можно уйти, можно их презреть, можно просто обойти, как обходят заражённое, гнивающее место.

Главное понять, что такова жизнь, такова реальность, ничему не удивляться и учитывать возможности своего здоровья.

На этом я завершаю свои дневниковые откровения.

Я слишком увлёкся, а меня ждут более приятные дела – мои холсты, мои краски, моя бумага. Да и погода сегодня выдалась солнечная, тёплая, настоящее бабье лето.

Хороший день – доброе знамение. А путь мой с Божьей помощью продолжается.

Художнику нельзя вступать в контакт с окружением. Любой контакт – саморазрушение. Бесплезно что-либо доказывать.

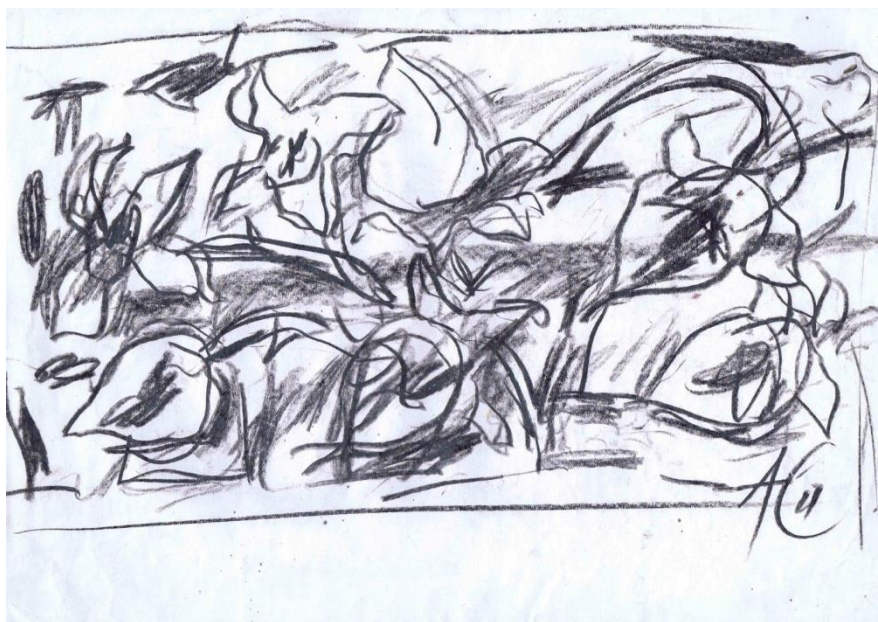
Права женщина, сказавшая: «Никто никому не нужен». Если художник оставляет в наследие результаты своего творческого труда, а история и время сочтут нужным во всём этом разобраться, это самое большое, что он может сделать в своей жизни.

А всё, что я пишу в своих размышлениях, это судьба художника-одиночки, прожившего в глубокой провинции.

Жизнь в контрастах сменяющихся побед, разочарований, непростительных ошибок. Прав я был или не прав, но жил так, как жил.

Может быть, будущему поколению будут интересны мои мысли и мой опыт жизни – опыт художника времени, в котором я живу.

Каждая эпоха создаёт свои условия развития искусства. Но проблемы выживания художника, проблемы отстаивания своего творчества остаются всегда неизменными и сложными.

*Набросок к картине
«Замерзающие
бутоны»*

18 ноября

Обращение к зрительской аудитории выставочного зала

В нашей жизни повсеместно происходят перемены. Перемены коснулись и состояния культуры нашего города.

Я, житель Нелидова, старейший художник, никогда не был в стороне от проблем культуры и искусства. Поэтому считаю себя вправе прочесть общественности своё обращение и выразить своё отношение к переменам.

В наш гостеприимный выставочный зал наряду с художниками получили доступ люди с определённой программой.

Один из таких представителей - посредственный, безликий художник, представившийся и как критик, с маниакальной настойчивостью третий год пишет статьи, в которых преследует одну цель: дискредитировать Снегирёва как художника и как человека. Изощённо-травмирующими статьями пытается вывести меня из состояния душевного равновесия.

Статьи печатает в ржевской газете, пересылает в наш выставочный зал и персонально некоторым художникам.

В среде художников и в обществе любителей искусства нагнетается атмосфера недоверия и возмущения.

Я не знаю, что хотел добиться в конечном итоге этот критик. Мои произведения в лучших музеях нашей страны. Я для этого артиста недосягаем, но в рабочем ритме выставочного зала эти выпады могут привести к печальным последствиям.

Мне не известно, нашёл ли этот гость сторонников и опору в нашем выставочном зале, но перемены произошли. Я их вижу, чувствую и не считаю нужным приспособливаться к этим переменам.

Я художник независимый.

Искусство художника не одолжение обществу, так же как и художнику не нужны одолжения от общества. Речь может идти только о сотрудничестве. Сотрудничество, как известно, возможно при взаимном уважении и доверии.

И теперь, чтобы не жить в постоянном ожидании очередных провокационных выпадов, мне ничего не остаётся, как удалиться в свой собственный творческий мир.

Слишком расточительно в мои годы слабеющие силы тратить на отвратительную грязную возню, в которую меня пытаются втянуть.

Моё преимущество перед этими людьми в том, что я ничего не добиваюсь.

У меня есть имя. Моё искусство получило признание. В своём обращении я информирую нашу общественность о причинах своего ухода. Мог бы молча уйти, но четверть века я болел за состояние культуры города, четверть века принимал активное участие в жизни выставочного зала, поддерживал художников и не только нелидовцев, но и художников других городов, которых мы приглашали для участия в наших выставках.

В нашей жизни происходят перемены, не зависящие от нас. Дальнейшую судьбу выставочного зала предстоит решать молодым. Я сочувствую нашим девочкам-сотрудницам выставочного зала. Они не знают, какими сложными, порой жестокими бывают взаимоотношения в творческой среде, где царит зависть, стремление к превосходству, подавление конкурентов.

Это мир больных людей! Все эти низменные агрессивные проявления свойственны в основном бездарным неудачникам. Нормальный художник не будет разменивать своё достоинство на грязные интриги.

В сложившихся условиях нашим девочкам я помочь ничем не могу.

Произошло отторжение моей души.

Не надо иметь прозорливый ум, чтобы видеть, что послужило катализатором сложившейся обстановки.

Ушло из жизни поколение замечательных художников, которые в этих стенах устраивали свои выставки, ушло то время, когда взаимоотношения между художниками строились на взаимном уважении.

Теперь диктат устраивают посредственные люди с непомерными амбициями, создают атмосферу, от которой хочется поскорее уйти и уйти подальше.

Мельчает мир искусства, и эта тенденция не может не вызывать чувство отторжения и презрения.

Я один из немногих шестидесятников, разделивший свою судьбу с судьбами провинциальных художников, многие из которых рано и трагически ушли из жизни. И поэтому цинизм самодовольных выскочек возмущает мою душу и приводит к необходимости резко

порвать взаимоотношения с людьми, для которых грязные интриги – основа земного существования.

На 87 году жизни пора уходить на заслуженный отдых. Я не вписываюсь в формат новых взаимоотношений, продиктованных новым поколением. Люди с сомнительным интеллектом берут на себя право отравлять мою жизнь. В мои годы, когда, казалось бы, я заслужил возможность спокойно дожить отпущенное, когда я прошёл самый сложный путь борьбы, отстаивая свою жизнь и своё творчество, и прошёл не для того, чтобы в завершении жизни доказывать амбициозным выскочкам что есть истина в искусстве.

Я раздражаю этих людей только тем, что живу.

Пусть успокоятся, я оставляю им единственный вариант – травить собственным ядом самих себя и себе подобных.

А я с Божьей помощью надеюсь полноценно пройти оставшийся путь.

19 ноября

2005 год. Завершается моя выставка в «Новом Эрмитаже». Пригласил Татьяну Колодзей. Она выбрала «Фрагменты минувшего». В какой-то момент я усомнился – дарить или не дарить, тем самым вызвал гневную и довольно жёсткую реакцию со стороны Татьяны.

Она в запале проговорила зловещие слова: «Ты кончишь свою жизнь всеми забытый и никому не нужный в этой стране». Для убедительности привела несколько имён замечательных художников, печально окончивших свою жизнь.

По тем временам её слова мне казались вполне убедительными и недалеко от истины. Я подарил ей картину.

И всё же в моей жизни состоялся активный творческий период, активная выставочная жизнь, произошли добрые события в моей творческой судьбе. Эти события для меня настолько значимы, что их достаточно, чтобы спокойно дожить недожитое, дописать недописанное.

Я прошу Господа Бога, чтобы не забыл художника, идущего особняком, на исходе сил, в тихой провинциальной глубинке.

А добрых событий в жизни независимого художника много быть не может, и если ещё есть силы радоваться наступившему дню – это самое доброе, что может быть в нашей жизни.

20 ноября

В годы моей молодости, скитаясь в безлюдных местах, я встречал скопление синих галок. Они были не совсем синие, глубоко синий цвет переходил в пастельно-голубые тона.

Дикая, сказочная, нетронутая природа, овеянная степными ветрами, была местом обитания этих редких птиц.

Гнездились они обычно в высоких отвесных берегах вдоль рек. Берега, представляющие собой земляные обрывы, были испещрены норами и углублениями, служившими гнёздами синих галок.

Высокие берега и обрывы превращались в место скопления птиц. Постоянно, нервно перелетая с места на место, своими птичьими, тревожными криками они создавали шумную, неуёмную жизнь, нарушая аскетическую тишину природы.

Синие галки и редко встречающиеся люди в этих местах органично вписывались в колорит выжженной солнцем земли.

Эти встречи никогда не забываются, вызывая волнение памяти, они смягчают душу.

Двадцать лет спустя я вновь побывал в родных краях, посетил эти памятные места.

Вместо синих галок теперь в небесной голубизне летали серые, невзрачные птицы с остроконечными крыльями, острыми клювами.

По душе полоснуло болью.

Что произошло за эти годы?

Может быть, и с изобразительным искусством происходит нечто подобное.

Утрачивается интерес к наследию, обедняется культура, понятие «новейшие направления» притягивают гипнозом.

Может я и сам изменился в своём творчестве до неузнаваемости. Жаль, что переписал картины молодости.

Порой мне кажется, всё ломается, всё рушится, а надо идти, идти, идти.

Так устроена жизнь.

Далёкое детство

Как я уже писал, наша дворовая детвора была заражена страстью походов по диким безлюдным местам.

Нас притягивали берега мелководных рек (такая река по-узбекски называется Сай). Вода в этих реках, в арыках и в искусственных каналах, в основном, мутная, глинистая. В редких случаях встречались арыки с чистой, прозрачной водой.

Однажды дорога привела нас к редкому по тем местам, к такому глубоководному арыку, в котором течение воды было неторопливым.

По берегам арыка росли низкорослые деревья и кустарники. Неожиданно я вижу в гуще зелени тёмно-синий предмет, переливающийся светящимся блеском. – Смотрите, шкатулка, – взволнованно проговорил я, указывая на этот загадочный предмет.

В моей детской фантазии ничего другого и не могло возникнуть.

Все затихли. Прошло ещё мгновение, и эта шкатулка оказалась птицей. Она перелетела на некоторое расстояние от нас, села поодаль на ветку другого дерева. Мы, затаив дыхание, смотрели на эту сказочную птицу. Её можно было рассмотреть. Небольшая по размеру, с длинным клювом. Цвет этой птицы такой синевы, что ничего подобного я не видел. Кто-то из старших нашей компании сказал: «Это птица-рыболов».

Возможно, она высматривала рыбку в проточной воде.

При нашем приближении она вспорхнула ещё раз, и больше я таких птиц никогда не видел и не встречал в своих бесконечных скитаниях по азиатской земле.

Может быть, эта и была та самая синяя птица, о которой сложено так много легенд.

Не зря же она вначале показалась мне сказочной шкатулкой.

Так это или не так, но в своё утешение и в завершение своих дневниковых воспоминаний могу сказать себе: «Я видел синюю птицу».

Я с детства познал богатство, которое даёт человеку первозданная природа. И никакое другое богатство не может быть сравнимо с обогащением души человеческой, полученной в контакте с природой. И, может быть, я не случайно предпочитал скитаться в одиночестве.

Только одиноческое соприкосновение с природой даёт полноту единения и обогащения нашей жизни.

Дерево. 1987 г.

Таинственная тишина природы, впитанная с детства, жизнь земная, боль человеческой души – всё это предопределило мой творческий жизненный путь и сделало меня таким, каким я прожил жизнь, пытаюсь оставить след переживаний души в своих картинах, рисунках, акварелях.

Я учился у предшественников, впитывал культуру, но остался верен непосредственным контактам с жизнью. Понимание и восприятие жизни было доминирующим в моём творческом направлении.

Я не поражаю зрителя цветом, я приглашаю к диалогу, к размышлениям.

Моё сотрудничество с В.А. Дудаковым произошло в годы, когда «Новый Эрмитаж» завершал своё существование. Для меня было важно доброжелательное отношение Валерия Александровича к моему творчеству.

Было предчувствие, что наши взаимоотношения будут сведены к минимуму или вообще прекратятся.

Дудаков пригласил к себе. Долго ехали в его машине по Первой Мосфильмовской улице. В немногословной беседе в пути не помню к чему, я сказал: «Смирненно отношусь к судьбе».

«Иногда судьбе надо помочь», - мудро заметил Валерий Александрович, поддерживая беседу.

Квартира Дудакова оказалась уникальным музеем. Я долго с волнением рассматривал картины незнакомых мне художников. А когда сели за стол, я с грустью сказал: «Видимо, рано я уехал когда-то в молодости из Москвы, не пропитался в достаточной степени эстетством».

«Зато достиг в другом», - успокоил меня Валерий Александрович.

Вот это другое (жизнь) и была основой моего творчества. И это лучшее – другое не было востребовано в нашей стране. Предприимчивые ловкие люди постепенно увозили картины в неизвестность.

В затяжной изоляции иногда бывает трудно понять и оценить результаты собственных усилий, много было утеряно в бесконечных переездах, уничтожено или безжалостно записано новыми, более слабыми картинами.

В те годы я писал свои вещи долго, вкладывая в картины энергию молодости, энергию состояния души, полной трагизма.

Теперь я в России.

Картины выражают моё отчаяние.

В процессе работы я иногда впадаю в состояние неуправляемого темперамента, утрачиваю сдержанность, позволяющую передать глубинную суть картины, что было свойственно мне в раннем азиатском периоде.

Да и основой содержания картин стала другая жизнь, другая земля, другая атмосфера. И, может быть, в этом обновившемся методе экспрессивной работы и есть попытка найти путь к продолжению творческой жизни в новых условиях, попытка зацепиться за жизнь.

Заложенная с детства активная реакция ко всему, что происходит в жизни, остаётся ключевой основой продолжения пути, куда бы ни заносила судьба.

Не каждому художнику-азиату удаётся полноценно адаптироваться в России. Меня природа России не отвергла.

Работаю теперь уже в совершенно другом ключе, с совершенно другой реакцией на жизнь, продолжаю поиски, продолжаю спокойно, независимо мыслить, делаю только то, что я в состоянии делать.

Доживаю отпущенное с затухающей памятью о том, что когда-то была активная жизнь, порой трагическая, но всегда наполненная содержанием, активизирующим творческую энергию.

Рецепт выживания

В детстве летнее время я проводил в глухих кишлаках, в которых работал мой отец. Ловил рыбу в озерах. Узбеки к рыбе относились без интереса. Но однажды я стал свидетелем, как компания взрослых узбеков собралась ловить рыбу. Мне стало любопытно, и я последовал за этими людьми.

Подшли к озеру, глубина которого в человеческий рост, все дружно вошли в воду и стали месить ногами глинистое дно, превращая воду в мутное месиво. Бедная рыба невольно всплывала на поверхность, чего и добивались эти рыбаки.

В наше время немало инициаторов – любителей мутить воду во всех сферах нашей жизни.

Жизнь превратилась в мутное месиво. Где Великая революция, где переворот, где искусство, есть ли искусство и нужно ли искусство, попробуй понять. И чтобы дышать чистым кислородом, надо просто оградиться в своём замкнутом мире от мутильщиков, сохранять оптимизм и спокойствие.

Надо самому разобраться в главном, в себе.

В своих картинах я не поражаю зрителя блеском живописи, а приглашаю к диалогу. Хочешь побеседовать, поразмыслить со мной, остановись, если нет желания, проходи мимо.

Картины, несмотря на трагизм, светлые, светоносные. Абсолютная независимость остаётся основой творческой жизни.

В 1949 году я уезжал из Маргилана в Москву учиться. Заехал в Фергану к наставнику П.М. Никифорову. В напутствие он сказал: «Постарайся взять как можно больше знаний».

И я вбирал эти знания, впитывал с жадностью. Душа сама просеивала и отстраняла всё, что не могла принять.

Сформировавшийся сложный мир души, даже с неизбежными сомнениями, позволяет сохранять в своей изоляции лёгкое дыхание.

Развалины Ферганы. 1987 г.

Когда пройден длительный жизненный путь в неотступном творчестве, процесс создания любой работы становится безотносительным к чужому мнению, скорее потребностью наполнить душу тихой радостью.

Закон жизни, определяющий судьбу художника, прост. Если независим, не подстраиваешься, не прогибаешься, не угодничаешь, ты не в формате. Не в формате жить не просто, но, чтобы быть в согласии с душой, другого не дано. Только лёгкая душа способна познать истинный восторг перед жизнью в этой неповторимой возможности пройти земной путь, сознавая, что, появившись из небытия, предстоит вновь вернуться в небытие.

Трудно говорить о восторженности в мире, перенасыщенном болью и страданиями.

Судьбы человеческие непредсказуемы, но способность восторженно смотреть на мир во власти человека.

«Призраки» Борисова-Мусатова

В переломный период нашей жизни изобразительное искусство приобретает тенденцию саморазрушения.

Романтики растворились в прагматизме. С проявлением некоторых новых веяний в искусстве, скудеет жизнь земная. Кто-то прибывает свои яйца к камням, кто-то лает по-собачьи, изображая собаку, тем временем хорошие художники покидают это мир.

В памяти всплывает картина Борисова-Мусатова «Призраки».

Активизировались недалёкие, бездарные люди (я их вижу), пытаются доминировать, учить, направлять, не сознавая, что сами не более, чем призраки в этой скоротечной смене событий, событий, которые поглощают всё и всех в мире искусства.

Цивилизация меняет людей.

Убедительную, органичную картину, отвечающую времени, написать, возможно, сложнее, чем придумать инженерно-технический объект или использовать нечто готовое.

Кому что дано.

В образном построении картины активно включаются душевные силы художника, его жизненная позиция.

Изобразительное искусство имеет глубокие корни, и удалить из жизни эти корни невозможно.

Всё будет меняться, обновляться, возвращаться на круги свои.

1964 год

Прогуливаюсь с Борисом Свешниковым в сквере у Чистых прудов. Тогда я был морально готов навсегда покинуть Москву, но тревожные мысли не давали покоя.

Я делился сомнениями о будущей жизни в глубокой провинции. Что ждёт меня, сумею ли отстоять своё творчество в одиночестве?

Борис всегда находил слова поддержки. «В Москве художники объединяются, группируются и без взаимной поддержки не мыслят творческий успех», - сказал он мне тогда, давая понять, что, прежде всего, в самом себе надо находить силы, чтобы отстоять себя в этом сложном мире.

И теперь, мне кажется, одиночество – состояние, позволяющее острее почувствовать мир, окружение, природу, почувствовать полноту

жизни в продолжении избранного пути в этом сложном, постоянно меняющемся, запутанном и в непредсказуемом мире искусства.

Одиночество, как ни странно, позволяет сохранить в себе хотя бы слабеющую энергию жизни.

Я продолжаю свой путь. Видно, судьба предоставила мне возможность исчерпывающе осмыслить наиболее значимые факторы нашего существования, последовательность жизни, этапы пути, обоснованность тех или иных решений, поступков.

Художник уходит из жизни, но душа его продолжает жить в наследии, которое он оставляет будущему поколению, живёт душа в зависимости от того, как будущее поколение распорядится наследием.

Старческое просветление

Нашу жизнь неизменно сопровождает боль допущенных ошибок. Без ошибок прожить невозможно. Не ошибаются только те, кто покоится в вечности. Может быть, наша жизнь на том и строится, чтобы разумно, с пониманием осознавать свои ошибки, не казнить себя, если даже своевременно не удаётся исправить непоправимое.

Человек не может всю жизнь быть, как абсолютно здоровым, так и стабильно здравомыслящим, эпизоды провала сознания неизбежны.

Более того, иногда ход судьбы загоняет в условия, когда приходится принимать решения, противоречащие представлениям близких, тем самым создавая им боль.

Остаётся только одно – делать добрые дела во имя искупления от содеянных вынужденных шагов и добрыми делами смягчить боль совести.

Если художник оставляет будущему поколению доброе человеческое искусство, в каких бы формах оно не проявлялось, это уже одно из добрых дел.

«Всё остаётся людям» - так называлась статья о Толе Звереве, вышедшая ещё в далёкие советские времена.

Другое дело, как распорядится новое поколение наследием и каким будет новое поколение в условиях размывания элементарных представлений о достоинствах в мире искусства.

А если искусство трагическое – это ещё не означает, что оно бесчеловечное. Такова жизнь.

Каждый художник выстраивает свой путь, свою судьбу, своё творчество в этой непростой жизни, в которой часто грань между безумием и истиной исчезает в лабиринтах нового человеческого мышления, когда на обломках старого выстраивается зыбкое, эфемерное новое с расплывчатыми, неуловимыми гранями.

Однажды, в летнее время, я сидел во дворе на скамейке, смотрел как мелкие мураши деловито, быстро передвигаются, трудятся. Внезапно тучей налетели крупные муравьи с крыльями, съели мелких мурашек, опустошили кусок земли и так же неожиданно исчезли.

Так и в человеческом мире одни поедают других.

И в этом жестоком мире художник должен сохранять равновесие души, сохранять и совершенствовать культуру искусства, не имеющую ничего общего с существующими законами миропорядка.

Набросок к картине

Закон человеческой жизни примитивно прост.

Объединяйся, властвуй, диктуй, пока другие объединения более сильные и коварные не задавят. На смену одних сильных объединений приходят другие, более сильные. Так объединяются и разрушаются страны. Кульминация существования и продолжения жизни в условиях этого закона приводит рано или поздно к трагической развязке.

Художник в этом мире проходит особняком, свободным, независимым и, наверное, в этом его счастье.

Слово счастье вмещает в себя сложные перепады человеческих переживаний, отпущенных судьбой.

Жизнь наполняет душу художника бесконечно богатым эмоциональным содержанием.

А если даже картины художника окажутся не востребованными, бесследно исчезнут, это ещё не означает, что художник прожил зря.

Творчество давало ему необходимое чувство полноты жизни, давало необходимое спокойствие в непредсказуемом, трагическом и в то же время необычайно прекрасном мире земной жизни.

Художник осознаёт, что живёт не зря, но насколько он убедителен и нужен, ответ даст только время.

Автор произведения властен в создании вещи, но не властен в решении судьбы своих вещей во времени.

Декабрь

Два дня шёл снег. Город под снежным покровом в тихий безветренный день стал необычайно красив. Сказочная красота длилась недолго, наступила оттепель. Я решил с бумагой и грифельками прогуляться на окраину города к любимым прудам.

Снег таял, дорога превратилась в грязное месиво, почернела, почернели избы и деревья, всё окружение погрузилось в тёмную туманную мглу. Только снежные белые пятна в редких местах пробивались между тёмными силуэтами деревьев.

Наверное, и моя одинокая фигура тёмным силуэтом органично дополняла печальный мотив зимнего, унылого дня. Почему-то в этой прогулке вспомнились годы, когда я одиноким странником ходил по бесконечным азиатским дорогам под жгучим солнцем.

Люди предпочитали разные виды транспорта, и только старики традиционно на осликах преодолевали большие расстояния, чувствуя себя вполне комфортно в любую жару.

Жизнь бросает меня в контрастные миры.

Далёкая солнечная Азия осталась в прошлом.

Теперь в этом новом, совершенно другом мире пытаюсь обрести душевную связь с окружением.

В Азии я не писал экзотику, замкнутую в пределах национальных границ.

Древние места помогали преодолеть застывший документализм изображения, помогали чувствовать жизнь в сменяющемся потоке времени - абстрагировано. Не Маргилан я писал в своих картинах, писал боль человеческую, жизнь человеческую.

Что ждёт теперь? Может быть, блуждающая мысль выведет к источнику, который даст мне новые силы.

Существуют ещё такие понятия, как лирика, декор.

Может быть, в мои годы этого немало в творческом пути, и я со своим аскетизмом проникну в сложные состояния природы.

Искусственно нельзя сделать то, что с лёгкостью рождается само собой.

Как бы ни складывалась судьба художника, в любые свои годы путь в изобразительном искусстве всегда перенасыщен сомнениями и постоянными усилиями в поисках истины.

Содержание

Вступление.....	4
18 сентября 2016 года.....	5
21 сентября.....	5
27 сентября.....	11
7 октября.....	22
8 октября.....	23
9 октября.....	24
10 октября.....	29
11 октября.....	30
12 октября.....	31
15 октября.....	35
23 октября.....	38
24 октября.....	40
28 октября.....	44
29 октября.....	45
Сегодня 7 ноября.....	45
10 декабря.....	46
19 марта 2017 года.....	50
20 марта.....	51
Июнь.....	57
9 июня. Утро.....	58
10 июня.....	59
15 июня.....	60
16 июня.....	61
21 июня.....	62
23 июня.....	62
1 июля.....	64
3 июля.....	65
7 июля.....	66
31 июля.....	68
3 августа.....	69
4 августа.....	69
12 августа.....	70
24 августа.....	71
25 августа.....	72
26 августа.....	72

31 августа.....	73
1 сентября.....	74
2 сентября.....	74
6 сентября.....	75
8 сентября.....	77
18 ноября.	
Обращение к зрительской аудитории выставочного зала.....	80
19 ноября.....	82
20 ноября.....	83
Далёкое детство.....	84
Рецепт выживания.....	86
«Призрак» Борисова-Мусатова.....	89
1964 год.....	89
Старческое просветление.....	90
Декабрь.....	92

Компьютерная вёрстка и компьютерный дизайн:

Т.М. Чернышева, *зав. отделом краеведческой работы*

Н.А. Жиронкина, *главный библиотекарь*

Г.А. Макарова, *библиотекарь 1 категории*

Корректор:

В.В. Сучкова, *главный библиограф МБУК НМЦБ*

**© Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Нелидовская межпоселенческая центральная библиотека»**

Наши координаты:

172521, Тверская обл.,
г. Нелидово, просп. Ленина, д.8
тел.: 5-22-29, 5-33-65
эл. почта: nelbiblio@bk.ru
сайт: nelidovo.tverlib.ru